

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР
Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 48 (755)

30 августа 1938 г., вторник

Цена 30 коп.

План издательства

Сейчас составляется план Государственного издательства художественной литературы на 1939 год. В недрах Гослитиздата имеется проект плана, составленный еще прежним руководством. Все основные пороки издательства наши свое выражение в этом бюрократическом проекте.

Развивалась советская литература, ряд книг получил народное признание. Но сила иерархии так велика, что от плана 1938 года очень трудно отличить проект плана на 1939 год.

Государственное издательство художественной литературы призвано осуществлять политику партии в области изданий и переводов художественной литературы.

Это значит, во-первых, что издательство должно активно участвовать в составлении творческих планов писателей, издавать книги на современные темы, книги близкие и нужные народу.

Это значит, во-вторых, что издательство должно перерабатывать лучшие произведения советской литературы.

Это значит, в-третьих, что издательство должно выпускать массовые издания классиков в кратчайший срок.

Всем этим требованиям проект плана Гослитиздата на 1939 год не удовлетворяет.

Приведем несколько примеров.

В 1939 году почему-то предполагается ограничиться лишь изданием четырех томов произведений Горького. Чем же определяются такие темпы издания собрания сочинений великого классика социалистического реализма?

Вульгарные социологи немало навредили в области истории литературы. И до сих пор на экзаменах школьники отвечают, что Тургенев был «помещиком и либералом», что он находился «во власти услады бытия». За последние годы в журналах не появилось ни одной статьи о Тургеневе. Многие учителя воспитывают молодежь в убеждении, что Тургенев читать не надо, что он, мол, «пережиток». Благодаря невежеству и гонимости книги Тургенев издаются ничтожно малыми тиражами.

В многотомных изданиях, намеченных проектом плана, упоминаются только три произведения Горького, крайне скудно представлены Л. Толстой.

Таким образом, благодаря политической близорукости издательства, произведения многих классиков русской литературы ставятся библиографической редкостью, недоступной широкому массовому читателю.

Совершенно неповоротливую позицию заняли составители плана в издании классиков народов СССР. В марте 1939 года юбилей Тараса Шевченко, но в плане намечено издание его произведений в крайне ничтожном тираже — всего 10.000 экземпляров.

Почему-то не предпринимается издание великого классика армянской поэзии Фрикса и т. д.

Крайнее недоумение вызывает намеченная переиздание. Мы не против переиздания, но мы решительно против обещания, благодаря которому не издаются вещи хорошие, признанные читателями, и переиздаются вещи явно бездарные.

Государственное издательство художественной литературы до самого последнего времени работало по принципу, «как бы чего не вышло». Иные книги поворачивались

племью на полках библиотек и магазинов, однако издательство их упорно переиздает, чтобы не поспорить с бездарными, но весьма крикливыми авторами. И в то же время почему-то почти не издается Багряный. Замечательный поэт, составивший эпоху в развитии советской поэзии, не счтен издательством. И в 1939 году читатель получит лишь второй том его стихов в ничтожном тираже — 15.000 экземпляров.

Разумеется, для того, чтобы определить, что нужно переиздавать, нужно проделать огромную работу, по-серьезному, по-настоящему изучить вкусы нашего читателя.

Но Гослитиздат никогда не отличался широкой связью с общественностью. В издательстве ежедневно поступают отзывы читателей, отзывы эти регистрируются и принимаются к делу. По дурной инерции, мнение читателя не имеет отношения к составлению плана. Прежнее руководство Гослитиздата не считалось ни с читателем, ни с писателем.

Нужно прямо сказать, что в Гослитиздате не знают процессов, происходящих в литературе. Мы читаем в проекте плана: Вура — новое произведение, Лидия — новое произведение, Паустовский — новое произведение, Первенцев — новый роман, Соболев — новое произведение, Федин — новое произведение, Эренбург — новый роман.

План составляется на 1939 год, однако в августе 1938 года издательство еще даже не знает, о каких произведениях идет речь. Какую же ценность имеют эти звячки о непонятных романах, но уже включенных в план издательства?

В Гослитиздате годами существовала оппортунистическая теория, что издательство обречено на роль регистратора заявок писателей, но ставка на самотек неразрывно связана с обещанной. Именно поэтому Гослитиздат не боролся за поворот к современной теме. Все издается в одинаковом тираже: и драмы Габбе, необходимые только любителям, и «Слены из частной жизни» Бальзака, и «0 прилозе богов» Шперона, и произведения Твона. Благодаря этой обезличке целый ряд книг превратился в анимированные ценности, в предмет спекуляции для букинистов. Та же обезличка существует в издании современных писателей. Прекрасный русский писатель Михаил Зощенко и плохой писатель Чумакян представлены одним и тем же тиражом в 10.000 экземпляров.

Воспоминания Корнея Чуковского выпускаются в том же тираже, что и роман Мстиславского.

Такая обезличка наносит серьезный вред развитию советской литературы.

Очень плохо составлен проект плана по разделу поэзии. Некоторые названия фигурируют уже три-четыре года в планах Гослитиздата. Создался своеобразный фонд невыполненных обещаний.

История составления плана Гослитиздата весьма поучительна и для других издательств. Необходимо в ближайшее время организовать широкое обсуждение планов издательства с писательской общественностью, необходимо тематические планы обобщать на широких читательских собраниях.

Литература — это общественное дело. Обсуждение плана изданий художественной литературы — дело первостепенной государственной важности.

ЛОЗУНГИ ЦК ВЛКСМ К XXIV МЕЖДУНАРОДНОМУ ЮНОШЕСКОМУ ДНЮ

1. Да здравствует XXIV Международный Юношеский День — день борьбы трудящейся молодежи всего мира против империалистической войны и фашизма, за мир, за социализм!
2. Памятный привет Великому Сталину от советской молодежи! Да здравствует наш учитель и друг, вожь народов товарищ Сталин!
3. Комсомольцы и комсомолки! Будьте достойными сынами и дочерьми нашей матери — Всесоюзной Коммунистической Партии! (Сталин). Да здравствует великая партия большевиков и ее Ленинско-Сталинский ЦК!
4. Молодые пролетарии, трудящиеся молодежи капиталистических стран! Сплотитесь в единый фронт борьбы против фашизма — смертельного врага нашей молодежи!
5. Борьба испанского народа против внутреннего и иностранного фашизма — общее дело всего передового и прогрессивного человечества. Привет героическому испанскому народу, борющемуся за свою независимость и свободу!
6. Да здравствует китайский народ, борющийся против японских захватчиков! Да здравствует коммунистическая партия и коммунистический союз молодежи Китая!
7. Большевикский привет революционным пролетариям Германии! Да здравствует героическая коммунистическая партия Германии! Да здравствует товарищ Гельм! Да!
8. Фашисты готовят новую мировую войну и нападение на СССР. Молодое поколение всего земного шара! Боритесь за мир, против опасности войны! Защищайте Советский Союз — отечество международного пролетариата! Да здравствует советская мирная политика!
9. «Мы стоим за мир и отставляем дело мира. Но мы не боимся утрус и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны» (Сталин).
10. «Беззаветная защита социалистического отечества, укрепление его могущества, благосостояния и славы — есть самая святая и кровная обязанность члена ВЛКСМ». (Программа ВЛКСМ).
11. Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР!
12. Да здравствует наша родная, непобедимая Красная армия — могучий оплот мирного труда народов СССР, верный страж завоеваний Великой Октябрьской революции! Да здравствует маршал Советского Союза, железный народ обороны товарищ Ворошилов!
13. Да здравствует советские летчики, гордые соколы нашей родины, добившиеся мировых авиационных рекордов!
14. Привет бойцам пограничникам, зорким часовым страны социализма!
15. Да здравствует Военно-Морской флот СССР — надежная охрана морских границ нашей родины!
16. Да здравствует Коммунистический Интернационал — руководитель и организатор борьбы против войны, фашизма и капитализма! Да здравствует коммунизм!
17. Привет революционной молодежи капиталистических стран! Да здравствует Коммунистический Интернационал молодежи!
18. «Нужно, чтобы дух интернационализма витал всегда над комсомолом» (Сталин). Воспитание молодежи нашей страны в духе великого братства трудящихся всего мира!
19. Искореним врагов народа, троцкистско-бухаринских шпионов, террористов и диверсантов — агентов фашизма! Смерть изменникам родины!
20. Да здравствует славный ружевой Комитет, неустрашимый боец против фашизма товарищ Димитров!
21. Крепче сплотим всю трудящуюся молодежь вокруг советской власти! Да здравствует советское правительство и его славный руководитель товарищ Молотов!
22. Советская молодежь — единственная молодежь в мире, получившая полностью право на труд, на образование и право на отдых. Спасибо товарищу Сталину за счастливую юность!
23. «Да здравствует советская молодежь» (Сталин).
24. Марксистско-ленинская теория —

остреет оружие в борьбе пролетариата. Комсомольцы и комсомолки, изучайте великие идеи Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина! Да здравствует ленинизм!

25. Привет новому пополнению Рабоче-Крестьянской Красной Армии — призванникам!

26. Выше знамя социалистического соревнования! Шире размах стачковоского движения! Молодые рабочие и колхозники, включайтесь в соревнование, посвященное 20-летию Ленинско-Сталинского комсомола!

27. Учащите советские школы! Выдавайте науку! Будьте отличниками учебы!

28. Да здравствуют советские девушки — славные дочери социалистической родины!

29. «Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох...» (Сталин).

30. Молодежь Советского Союза! Достоинно встретим славный XX-летний юбилей Ленинско-Сталинского комсомола подготовкой подарков матери-родине, новыми победами на благо родины.

31. Молодые колхозники и колхозницы! Боритесь за производство 7—8 миллиардов пудов зерна в год! За высокую продуктивность животноводства!

32. Да здравствует моральное и политическое единство советского народа, завоеванного под руководством большевистской партии свободу и независимость нашей родины!

33. История большевизма — лучшая школа борьбы и жизни для молодого поколения. Комсомольцы, молодые трудящиеся, изучайте историю партии Ленина — Сталина!

34. Ликвидируем полностью во всех отраслях народного хозяйства последствия вредительства право-троцкистских наемных иностранных разведок! Превратим СССР в непрестанную крепость социализма!

35. Самокритика — основа большевистского воспитания кадров. Шире развернем самокритику в Ленинском комсомоле!

36. Быть неотделим от политики. Моральная чистота комсомольца — надежная гарантия от политического разложения!

37. Да здравствует Сталинская Конституция — Конституция победившего социализма и подлинного демократизма!

38. Горячий комсомольский привет славному руководителю тяжелой индустрии и транспорта — А. М. Кагановичу!

39. Горячий комсомольский привет Сталинскому наркомун, неутомимому борцу с врагами народа Н. И. Ежову! Да здравствует верный страж революции — НКВД!

40. Да здравствуют советские дети! Еще большей заботой и любовью окружим наших детей!

41. Комсомольцы и комсомолки! «Учитесь большевизму и идите вперед колеблясь — больше! Больше! и дело у вас выйдет наверняка» (Сталин).

42. Комсомольцы и комсомолки, молодежь Советского Союза! Теснее сплотитесь вокруг великой большевистской партии! Да здравствует непобедимое знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина! Отдадим все наши силы, все пламя нашей молодости великому делу коммунизма!

43. Злобные враги советского народа пытались позорить мощь Красной Армии. Молодые бойцы Красной Армии! В ответ на провоксы врагов повысьте боевую и политическую подготовку!

44. Церковники и сектанты стремятся отравить сознание молодежи и детей ядом религии. Дадим решительный отпор враждебной, подрывной работе вражесов! Шире развернем антирелигиозную пропаганду!

45. Уселим революционную бдительность! Покоимся с политической беспечностью в нашей среде!

46. Троцкистско-бухаринские изменники хотели отнять у советского народа и нашей молодежи радость, обеспеченную жизнью. Никакой пошлости врагам народа — предадим их социалистической партии!

ЦК ВЛКСМ.

Накануне XX-летия ВЛКСМ

Два сборника

Детиздат ЦК ВЛКСМ выпускает к XX-летию комсомола два больших сборника — «Комсомольское племя» и «Счастливое детство».

В сборнике «Комсомольское племя» — свыше двадцати рассказов советских писателей о нашей молодежи. Значительная часть рассказов публикуется впервые. Среди них: «Рамза» — Р. Фраермана, «Гришка» — В. Герасимовой, «На крутом уклоне» — А. Платонова, «Памятник» — В. Герасимова.

Книга оформляется художником Кузнецовым. Объем ее — 15 печатных листов. Тираж — 75 тысяч.

В сборнике «Счастливое детство» — рас-

сказы и стихи о счастливой жизни советской детворы.

Наряду с известными уже ребятами рассказали Л. Соболева, К. Паустовского, Р. Фраермана, Л. Кассила, стихами Джамбула, С. Маршала, А. Барто, Л. Квитко, Е. Благиной, в сборнике впервые будут напечатаны: стихотворение С. Михалкова «Находка», рассказы — Г. Замолода «Пожар», А. Писменного «На рассвете», Л. Зильбера «Зорька».

Книга иллюстрирована художниками В. Шегловым, К. Ротомым, А. Липтевым, Б. Дехтеревым, Д. Шмарниным, Е. Афанасьевым, В. Ермольевым и В. Лягачем. На печати книга выйдет в конце сентября, тиражом в 75 тысяч.

Выставки и лекции

Фольклорный отдел Государственного литературного музея организует передвижную выставку на тему: «Молодежь в фольклорном и народном творчестве». Проф. Соболев, Сильвинзон и Кривинская будут читать лекции — «Гражданская война в фольклоре», «Учлаев в народном творчестве» и «Молодежь в народном творчестве».

Детиздат ЦК ВЛКСМ готовит большую выставку детской литературы. Будут экспонированы образцы республиканских, краевых и областных издательств.

В наметках пять разделов выставок будут показаны: книги Детиздата ЦК ВЛКСМ, национальная детская литература, иллюстрации к детской книге, полиграфическое оформление и периодика.

КАК РАБОТАЕТ ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

26 августа на производственном совещании в издательстве «Советский писатель» были подведены итоги работы за первое полугодие 1938 г. Итоги эти оказались весьма неутешительными. План первого полугодия выполнен издательством только на 58 процентов. Попытка некоторых руководящих работников оправдать эту с греком пополам работу стандартной ссылкой на объективные условия не удалась.

Докладчик тов. М. Зосовский и другие работники издательства утверждают, что можно было выполнить план по крайней мере на 75 процентов. У «Советского писателя» много заматрированных книг, есть издания, которые ждут выхода в свет по году и более.

В издательстве «Советский писатель» господствовала странная логика: чем хуже с выпуском в свет книг, тем, мол, лучше для редакционного портфеля. Новых договоров за первое полугодие заключено в полтора раза больше, чем полагалось по плану на весь год. Легко себе представить, как это отразилось на финансах издательства.

Много горькой правды было высказано по адресу руководителей издательства тов. И. Ружою. В самом деле, в такой тяжелой для издательства момент он и сам отбыл в отпуск и отпустил многих оперативных работников. В итоге положение в третьем квартале еще хуже, чем в первом полугодии. Процент снабжения «Советского писателя» бумагой выше, чем в другом издательстве, но отпущенную бумагу нужно получить, а с реализацией ее в третьем квартале очень плохо.

Полностью социалистическое соревнование до сих пор в издательстве отсутствовало. Очень неблагоприятно и с трудовой дисциплиной.

С. И.

НАРОДНЫЙ ПОЭТ АБХАЗИИ ТОВ. Д. И. ГУЛИЯ В КИЕВЕ

В Киев приехал народный поэт Абхазии, депутат Верховного Совета Абхазской АССР тов. Дмитрий Иосифович Гулия. Он прибыл на Украину, чтобы ознакомиться с работой Союза советских писателей Украины, посетить могилу Шевченко в Каневе и посмотреть достопримечательности г. Киева.

СОВЕЩАНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

28 августа закончились трехдневные совещания преподавателей литературы и языка мовкозских школ. Раздельно проходили совещания преподавателей 5-го, 6-го и 7-го классов и преподавателей 8-го, 9-го и 10-го классов.

Наркомпрос стремился придать этим совещаниям безобидно-академический характер.

Программа совещания преподавателей 5-х, 6-х и 7-х классов школ была узко-методической. Заслушаны были инструктивные доклады о литературном чтении, преподавании русского языка в 1938-1939 г. и, в порядке обмена методическим опытом, доклады школьных учителей.

В повестке совещания преподавателей 8-го, 9-го и 10-го классов стояли доклады проф. Ю. Сололова о русских былинах, Б. Райкина — о Гоголе, А. Яснопольского — о Чехове и др. Особенно необходимо выделить доклад проф. Ф. Головенченко под выразительным названием «Коммунистическое воспитание в преподавании литературы». Доклад вызвал отрицательное отношение аудитории своей абстрактностью и полным незнанием школьной практики.

Официальная программа обоих совещаний была нарушена учителями, критиковавшими недостатки преподавания литературы в средней школе — отсутствие руководств Наркомпроса, однообразие методов преподавания литературы, нехватка художественной литературы для школ, вульгарные, горькие ошибки в учебниках, несоответствие хрестоматий учебным программам и т. д.

На совещаниях преподавателей 8-го, 9-го и 10-го классов, по требованию его участников, выступил представитель Наркомпроса Т. Гречишников с докладом об учебных программах по литературе. Программы были подвергнуты серьезной критике. Особенно остро стал вопрос о том, нельзя ли прекратить преподавание русского языка с седьмого класса. Учителя единодушно требовали сохранить преподавание родного языка и в старших классах, наряду с изучением литературы. Совещание приняло соответствующую резолюцию и избрало делегацию для беседы с наркомом просвещения по этому вопросу.

Резкой критике подверглась также работа Учпедгиза, представители которого выступили с информационным сообщением Учителя обвиняли Учпедгиз в косности, неповоротливости и в создании неправильной системы распределения учебной литературы, лишавшей учителей возможности получать необходимые им пособия.

КУРСЫ ДЛЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

При кабинете молодого автора Союза советских писателей Белоруссии 1 сентября заканчиваются курсы для 22 молодых писателей, сехавшихся из городов и районов БССР.

Новые документы о Т. Г. Шевченко

В Черкасском краеведческом научно-исследовательском музее находится экземпляр «Кобзаря» с переписанными от руки произведениями Шевченко. «Кобзарь» переписан рукой близкого друга Шевченко — Честаховского, подпись которого есть на последней странице.

В книгу вошли отрывок на «Гайдамаков», поэмы «Сон», «Кавказ», «Холодный яр» и др.

В Черкасском государственном историческом архиве хранится интересный документ 1920 г. о предании юбилея Шевченко в годы гражданской войны. «Военно-Революционный Комитет Черкащины в честь памяти славного, незабвенного народного поэта — борца за долю у-

АНРИ БАРЬЮС
К трехлетню со дня смерти. Статую см.
на 2-й стр.

ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

Как в прошлом году, бюро секции поэтов Союза советских писателей устраивает в Центральном парке культуры и отдыха «День советской поэзии», который состоится в начале сентября.

Для проведения «Дня советской поэзии» выделена организационная комиссия — Н. Асеев, А. Сурков, Д. Атаутзаев, С. Васильев и Б. Ковынев.

В Зеленом театре, культурном и других местах парка шестьдесят поэтов будут читать свои стихи. Организуется передача по радио докладов, посвященных советской поэзии. Гослитиздат откроет в парке большой книжный базар: прозаичками книг будут поэты. В парке будут работать двадцать консультаций для начинающих.

К этому дню издается сборник стихов.

В ПАРТОРГАНИЗАЦИИ ССП УКРАИНЫ

КИЕВ. (Соб. корр.). На открытом собрании парторганизации Союза писателей Украины состоялся прием в группу сочувствующих КП(б)У. В сочувствующие приняты писатели С. Скаляренок, В. Охременко и А. Шиян.

«ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА» НА ЭКРАНЕ

М. Шолохов и сценарист С. Ермолинский работают над сценарием по роману «Поднятая целина».

Студия Мосфильм вскоре приступает к подготовительной работе по съемкам звукового фильма, который будет ставить Ю. Райзман.

С. Ермолинский и Ю. Райзман находятся сейчас в станице Вешенской — у М. Шолохова.

РЕДКАЯ РУКОПИСЬ

Украинский исторический музей приобрел тетрадь, содержащую полный текст комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Эта редкая рукопись относится к числу подлинных списков, распространенных до первого издания комедии Тетрадь принадлежала декабристу Розену.

На титульном листе тетради есть прижизненное письмо Розена о том, что тетрадь писана декабристом Рылевым.

Исторический музей направил рукопись в Институт экспертизы им. проф. Вокрянского, который установил, что тетрадь рисована, но принадлежит к рукописям времени Грибоедова, однако некоторые ее особенности не дают возможности точно установить, что она переписана рукой Рылева.

СТИХОТВОРЕНИЯ НИКОЛОЗА БАРАТАШВИЛИ

В издании и культурном оформлении выпустил Гослитиздат сборник стихотворений грузинского поэта-романтика, «грузинского Лермонтова», как его нередко называют, — Николаоза Бараташвили (1816—1845). Один из выдающихся грузинских поэтов-классиков XIX века, он оказал очень заметное влияние на все последующее развитие поэзии Грузии.

В книгу вошли все небольшие литературное наследие Бараташвили — 37 лирических стихотворений и историческая поэма «Судьба Грузии».

Глубокие по мысли и превосходные по форме стихотворения Бараташвили неоднократно переводились на русский язык.

Выпущенный Гослитиздатом томик дает поэтическое творчество Бараташвили в новых переводах, выполненных советскими поэтами (С. Спасский, Ю. Верховский, К. Липскеров и др.).

Сборник вышел под редакцией В. Гольцева и С. Чикована. Вступительная статья написана Г. Кикодзе.

А. М. Горький о Т. Г. Шевченко

Девятого марта 1939 года советский народ будет отмечать 125-летие со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко.

Большую ценность представляет высказывание А. М. Горького о творчестве великого украинского поэта.

Впервые печатаемый нами отрывок является частью лекции, прочитанной Алексеем Максимовичем в Каприйской школе в 1909 г.

Лекция сохранилась в виде черновой рукописи и находится ныне в Архиве А. М. Горького. Институт мировой литературы им. А. М. Горького в настоящее время готовится их к печати.

Шевченко — все знал яли, по крайней мере — все чувствовал: еще юношей, он, взглянув на жизнь народа оком поэта и провидца, воскликнул:

И день яле...
Тарас Шевченко — крепостной мужик помещика Ангелгарта, до 9 лет он жил, так сказать, на воспитании и содержании у самой природы. С одиннадцати, выучившись грамоте у дядьки, он служит у помещика чумаком, затем работает с мала-рами, пасет овец, потом служит у Энгельгарта поваренком и казачком.

Энгельгарт отдаст его в ученики художнику (нику) в Питер, литератору Гребенка, заметив у мальчика талант, устроил его в Академию. Попытка была выкупить Шевченко из рабства, но неудачно, хотя хлопотали об этом знаменитые художники той поры — Брюлов, Венецианов и знавший Шевченко — Жуковский. Брюлов, заглянув в Звенегород к помещику, сказал про Энгельгарта) — «...это самая крупная связь, какую я видел до сего дня!»

Шевченко впал в отчаяние и едва не покончил самоубийством.
Наконец —
У меня лет «Кобз(ара)» и мы не можем

почитать задушевные стихи этого поэта, у которого, к сожалению, мало учились наши поэты как надо воспринимать и чувствовать народную жизнь, как широко надо брать ее.

Деятельность Шев(енко) живописца тоже заслуживает упоминания, ибо он был учителем знаменитого и первого русского жанриста Федотова, положившего основание школе русских художников реалистов. Этот человек жил в одно время с Тургеневым, Тол(стым), Некрасовым), Писем(ским), Григ(оровичем) — со всеми столпами русской литературы) и — все они ничего не могли сделать для облегчения его тяжелой судьбы — но это объясняется их бессельем и гнетом, лежавшим на них.

А почему он, Шев(енко), остался непризнан ими, почему его не читали и не оценили — этого я не умею объяснить.

Между тем он заслуживает высокой оценки именно как первый и воистину народный поэт, не искажавший субъективными догадываниями народных дум и чувств.

В его жалобах на личную судьбу — слышна жалоба всей Малороссии, в его воспоминаниях о казацкой воле — вы почувствуете воспоминания всего народа.

(«Правда».)

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ РЕДАКЦИОННЫХ РАБОТНИКОВ

Профессия редактора требует большой культуры, особой остроты политического сознания. Именно оттого, что некоторые наши редакторы зачастую политически не вооружены...

В Государственном издательстве художественной литературы на днях выходит книга В. Катаева «Я, сын трудового народа».

В Государственном издательстве художественной литературы выходит роман Дюла «Фромон младший и Рипсер старший» с иллюстр. художника Н. Кузьмина.

В. СЕРГЕЕВА

Плохой учебник

Близится начало учебного года. С огромным нетерпением школы ждут новых учебников. Учитель выпускает новое издание учебника для средней школы А. М. Поляк и В. Е. Тагера о литературе.

Литература привело Вольнова в партию эсеров. В учебнике есть и серьезные ошибки. обнаруживаются недостаточное знание истории литературы.

ся, что это не литературный анализ, а отношение из какой-либо канцелярии за исходящим номером. Нарядок плохо изложен «Клим Самгин».

Критическая секция поручено подготовить популярную биографию Таласа Шевченко и составить шевченковский альманах с произведениями поэтот братских республик.

Накануне юбилея великого украинского поэта

От нашего киевского корреспондента

На заводах, фабриках и в колхозах Советской Украины идет оживленная подготовка к юбилею. На предприятиях и в колхозах Полтавщины будут прочитаны лекции о жизни и творческом пути поэта.

Госиздат Украины — выпустить «Дневник поэта», переиздать в новой редакции первые два тома, выпустить следующие тома академического издания.

Вопрос в организации партийной учебы в издательстве нет четкой системы. Обычно в начале года, после летних отпусков (хотя формально занятия в кружках ведутся круглый год) начинается формирование кружков.

Учебник вышел в свет до процесса назначения фашизма из «право-троцкистского блока» и он нуждается в ряде дополнений. На стр. 62 мы читаем: «Тяжелой утратой для нашей страны была смерть Горького».

Учебник по литературе должен развивать художественные вкусы, прививать учащимся любовь к искусству и литературе. То, что написано в учебнике, может возбудить только резко отрицательное к ним отношение.

Начальные стихотворные опыты Шамиссо ничем особым не примечательны, хотя и в них уже проявляются те черты, которые станут характерными для его позднейшего творчества.

Адальберт Шамиссо

К столетию со дня смерти

Адальберт-Шарль-Ф. Шамиссо-де-Немур — один из видных классиков немецкой литературы, ныне запрещенный в Германии стоящими у власти фашистскими марксовцами.

В 1832 г. Шамиссо становится во главе «Немецкого альманаха мюз», работа в котором облекает его в выдающийся представительный талант литературной современности.

А. ЧАКОВСКИЙ

БАРБЮС

... Ранним дождливым утром лета 1895 года длинный худощавый юноша спускается по ступеням парижского вокзала Сен-Лазар.

Барбюс — рыцарь солдат 231-го полка действующей армии. Его портрет напечатан во всех газетах. Перед отъездом он пишет редактору «Юманите».

И вот усталый, дважды раненный, пораженный туберкулезом человек развивается огромную, титаническую деятельность. Он организует Ассоциацию бывших фронтовиков.

Барбюс не знает отдыха. Всего лишь несколько часов в месяц он проводит в маленьком домике в Мюрамаре, близ Лазура.

Барбюс на трибуне. Высокий, худой (платье висит на нем как на вешалке), лицо изборождено морщинами. Привычным жестом руки откидывает прядь волос.

На другой день он заболел. Термометр показывает 40°. Гарета скорой помощи уже стоит у подъезда гостиницы, где он оставался.

«Литературный современник»

Повесть Геннадия Гора «Неси меня, река...» — единственное законченное крупное произведение в седьмом номере «Литературного современника».

Герои повести — тунгусы, ороченые, буряты, с которыми советская литература доселе мало знакомит читателей.

Тажные края далеки. И нам интересно знать: как живет сейчас тайга, как она вместе со всей страной строится, растет, борется с темными силами прошлого, каковы ее новые люди?

Обо всем этом и пытается рассказать Гор. Поэтому повесть заинтересовывает хотя бы просто с познавательной точки зрения.

Начинаешь читать, прочтываешь одну главу, вторую, третью... В отдельных страницах, сценах, деталях угадываешь тельняшную руку, острый глаз. Напряжен, гибель во время пожара тайги председателя сельсовета Федорова написана выразительно, просто и вместе с тем светло.

Но странное дело. Читая повесть и никак не можешь расстаться с одной очень неприятной мыслью: а ведь в сущности центральным героем повести, к которому приковано все внимание автора, которого автор ни на минуту не забывает и которым он любуется, является сам Геннадий Гор. Многие, слышавшие много в этой повести о прошлом Гор, автор повести напоминает прежде Гор, а вторично — «Литературный современник», заслуживший в свое время печальную известность. Даже в лучших местах повести чувствуется претенциозное стремление автора сказать «не так, как все», шероховатую «красивую» фразу, эстетским описанием.

Такое, например, описание жюль, падающего на «спрунувшиеся» ноздри лошадей. Вот оно — это описание:

«Темный жюль падает на непокрытые головы людей. На лошадей падает жюль, на их ноздри, выходящие и спрунувшиеся; жюль падает на спящих извозчиков, на их носы и губы».

Плохо это, манерно, приукрашено.

В самой теме повести, к теме большой и серьезной, Гор подошел со своих прежних неправильных позиций и потерпел, естественно, сокрушительное поражение.

Иван Федоров, сын погибшего председателя сельсовета, потонувший таежный житель, приезжает в Ленинград. Это первая его встреча с городом. В образе Ивана как бы олицетворяется обновленная тайга с ее жаждой знаний, культуры, с ее стремлением к далеким горам, в которых велика создавалась эта культура.

В первых главах Гору не плохо удалось передать некоторые характерные черты Ивана: его пылкий ум, его поэтическую выделанность в родине таежные места. Именно поэтому с особенным интересом ждем встречи Ивана с Ленинградом. Ведь как должна обогатить Ивана эта встреча, какой стремительный толчок она должна дать его дальнейшему росту!

Однако в повести получается «все наоборот, все как не надо».

Когда-то в одном из своих рассказов Гор писал: «...далека от жизни та животность, которая в погоне за экзотическими и исключительными лишает человека его

лица». Что ж, не нова, но правильная мысль. Ее хочется напомнить автору, когда читает повесть, и особенно вторую ее половину. К чему сводится пребывание Ивана в Ленинграде? Анекдотические приключения, неоправданные поступки, нелепые встречи... К примеру: Иван влюбился, влюбился в поезде, в девушку, имя которой даже не успел узнать. Кончалась спокойная жизнь Ивана. Гор заставлял его бегать по городу в поисках девушки, тайком пробираться в чужие квартиры, драться с женой какой-то незнакомки, которую он принял за ту, однажды встреченную... С этим самым женихом у Ивана происходит такой разговор:

— Эй, слышишь? — сказал Иван. — Видишь меня через Мойку, узкий мост. Уйдем-ка туда.

— Зачем?

— Там я тебе скажу.

— Говори здесь.

— Давай силы померяемся. Кто кого столкнет. Мне с тобой в этом городе тесно. Идем, если ты не трус.

— Ты, должно быть, псих.

— Может я и псих. А если ты не трус, идем.

— Идем, псих. Только если ты меня не столкнешь, а тебе наблю морду.

Если столкнешь, тоже наблю.

— Морду после друг другу набьем. А теперь идем. Мне с тобой в этом городе тесно. Идем, если ты не трус.

Итак на протяжении целой странички.

Изменения психологии Ивана меньше всего интересуют Гора. Самое главное — придумать еще один эффектный трюк, ввести Ивана в конфликт еще с одним человеком, еще с одной вещью. Заставить его разговаривать по телефону в то время, как он впервые видит телефон, еще раз подчеркнуть название непонимание таежником самых обычных, всем понятных явлений.

Обручают Ивана никчемные, глупые люди — Осипыч, Цветков, Зойка, Анфиса... Да и сам он как-то глумится в их обществе, этот живой, умный парень. Для того чтобы придать значительность образу Ивана, Гор делает его впоследствии стахановцем, помещает его портрет в газете. Но странички эти настолько фальшивы, что ничего, кроме раздражения, не вызывают.

Гор рассказывал нам плохо мотивированную историю про дикара, который впервые попал в город, ничего в нем не понимал, всему удивлялся, а потом вдруг стал передовым человеком. Вот к чему свелся замысел.

Последние годы, такие значительные в жизни советской литературы, кое-чему научили и Гора. Он пишет теплее, лиричнее, в отдельных случаях ум удается живо выразить характер человека. Так, таежники хитришь, кулак Гольдфельд запоминается как живой, где-то встреченный человек со своей манерой разговора, то скрыто-аргонической, то открыто-паничной и злой, со своими повадками классического врага, стервятника, во-время обезвреженного.

Но ведь это все частные удачи. Советские писатели работают над большими темами нашей современности. Создается литерату-

ра высокой идейности, больших страстей. А Гор продолжает смотреть на мир из своего литературного окошка. Он идет к жизни от литературы, а не наоборот. Для него по-прежнему тезис — это «материал», который можно так или иначе обыграть. Вот почему и повесть его — штукаская, холодная.

В седьмом номере «Литературного современника» напечатаны еще два законченных произведения: поэма В. Лихарева «Комиссар» и рассказ Леонида Борисова «Температура».

Обе эти вещи читаешь с чувством внутреннего сопротивления и протеста против той убойственно равнодушной гладкописи, которую еще продолжают преподносить журналы советскому читателю. «Драматическая поэма» Бориса Лихарева, как ее назвал автор, лишена драматизма. Это абсолютно беспомощная попытка поэтически воспроизвести один из замечательных эпизодов времен обороны Петрограда — борьбу за «Красную Горку». Действие в поэме поделено сутулкой и криком. Нашу люди, — рабочие, крестьяне — творцы величайшей в мире революции, — провозгласили напыщенно книжные тирады вроде следующих:

Могучая республика труда,

Внедряя российская держава,

Отныне общий наш, родной, великий дом,

Октябрьская над ним восходит слава.

Вот победим врагов и заживем.

Недаром сгибля в тьме отцы и деды наши!

В таком стиле написана вся поэма.

Унылые, серые люди бродят и по рассказу Леонида Борисова. И сам рассказ — унылый, скучный. Это — история о двух стариках, из которых один — Захаров — совсем сознательный, а другой — Фалатов — еще не совсем. Задача автора — перестроить и второго старика. Для этого выдумывается следующая история: Фалатов работает сторожем в цирке. В этом же цирке работает некий Дубков Иван Константинович, подполковник царской армии, но начальством которого служил в свое время Фалатов. Дубков оказывается злобным вредителем. Он поднимает лезвие для того, чтобы сорвать коронный номер и лишить жизни крупнейшего циркового актера Берто. Фалатов, все время следящий за Дубковым, предотвращает диверсию. Как легко и просто все, не правда ли, читатель?

Критическое отделе в номере вообще нет. Вместо него — заметки о книгах, столь же маленькие, сколь и не интересные. Лучшие других рецензии Е. Маяжской («В мастерской стиха Маяковского» — В. Трещина) и Н. Рыловой («Юность Генриха IV» — Г. Манья).

Нельзя забывать в актив номера и так называемый «Общий раздел». Пародия на некие театральные мемуары уже высели, пора бы их оставить. Не очень удачны и пародия А. Флота на И. Сальвинского.

С М Е Х И ГРЕХ!

Всем! Всем! Всем! Оригинальная критика!

Дешево! Просто! Весело!

Незаменимо для редакций толстых журналов!

Например, для редакции «Литературного современника». В № 7 этого журнала, под общим заголовком «Общий раздел» (см. ж-л «Крокодил» — «Общий отдел») напечатано множество не слишком веселых произведений. Особое внимание вызывают два из них. На стр. 231, под № 2 читаем: «Редакция «Литературного современника», проворив (? — Б.-Ч.) напечатанные в журнале за первое полугодие критические статьи, вынуждена признаться, что не все так же ясно и понятно в них, как это казалось до напечатания».

Какая чудесная наивность! Какая убедительность! Какая полезная логика! Статья, за подписью. В ней разные слова. Сверху — название. Все, как надо. Печатаешь. Потом (спустя полугодие) проворив. И... «вынуждена признаться». Кто же, кто виноват? А вот кто: «Может быть, темперамент (!) критика И. Гринберга своим критическим порывом (? — Б.-Ч.) отвлек внимание редакции, но пусть уже сам читатель оценит широкий анализ романа Фадеева «Последний из Удэге» («Литературный современник», № 2)».

Далее следует весьма убедительная пата из «критического порыва» темпераментного И. Гринберга. Пата свидетельствует крупное «отвлечение» редакции. Читатель его оценит. Заключительная часть заметки просто восхитительна: «Б сожалению, редакция только сейчас задумалась над этими необдуманными высказываниями и вполне разделяет недоумение читателей»...

С такой предельной открытостью может сравниться разве только окончание следующего самобычания (стр. 232, № 3). «Все эти умные слова ничего не означают, и пусть дорогой читатель не тратит свое время на раскрытие их сокровенного смысла». С двумя этими заключениями мы целиком согласны и в более обобщающем смысле. Нас как-то не «отвлекает» самокритический порыв темпераментной редакции «Литературного современника». Ибо «принципиальная» самокритика в отделе юмора не внушает нам особого доверия.

БРАТЯ-ЧИТАТЕЛИ

«СКАЗКИ ВЕТАЛЫ»

Среди собраний фантастических сказок древней Индии находится замечательный сборник, известный под названием «25 сказок Веталы».

Вот в немногих словах содержание этой книги. К царю Викрамасене приходит волшебник и предлагает ему пойти на кладбище в одну из самых темных ночей месяца, чтобы там совершить заклинание, которое, при соблюдении известных условий, может дать царю волшебную силу. Царь соглашается и в условное время приходит на указанное ему место. Испытание начинается с того, что волшебник предлагает царю снять труп, висящий на дереве, и принести его к месту заклинания, не проносясь при этом ни единого слова.

Царь отправляется за трупом, зваливает его на плечи, но в это самое время находящийся в трупе демон Ветала начинает рассказывать царю остроумную сказку, по окончании которой обращается к царю с вопросом, кто же из действующих лиц сказки, по его мнению, действительно виновен. Только что царь, забыв условие, дает ему ответ, как труп выпрыгивает из его рук и снова повисает на дереве. Царь должен снова идти за ним, демон снова рассказывает сказку, царь опять забывает условие, и все повторяется сначала.

Так возникает 25 остроумных и занимательных сказок, в которых этические и политические воззрения феодального Востока нашли живое и чрезвычайно любопытное отражение.

На русский язык «Сказки Веталы» никогда не переводились. Только впервые появляются они в ближайшем будущем в издании Гослитиздата.

Рассказы и очерки Михаила Лоскутова

Лоскутов — еще молодой человек. Но писать и печататься в журналах и газетах он начал давно, чуть ли не с пятнадцатилетнего возраста. Литературный опыт рано пришел на помощь его дарованию. И может быть именно поэтому даже первая книга его есть труд уже зрелый и опытный.

Я говорю о «Тринадцатом караване», изданном в 1933 году Детиздатом. Книга была написана в самый разгар так называемого очеркизма. Кто в это время не увлекся очерком. Кто не приносил ему своей посылочной дани.

Но Лоскутов служит ему с особенной силой и страстью, свойственной только таланту самостоятельному и упрямому. Беллетристика кажется ему чуть ли не брачным словом. И это понятно. Кто не соблазнился мыслью оставить старую, всем известную форму романа, повести, и найти новую, более соответствующую той величественной картине народного героизма и строительству, которую ежедневно являет перед нами жизнь.

Лоскутов ненавидит литературшину — тот легкий род письма, где героем является пошлость самого автора, — немного пейзажа, два-три диалога да десяток высокопарных фраз.

Лоскутов хочет видеть вещи в их истинном свете, какими бы они ни были на самом деле.

И вот, оставив дома весь груз готовых представлений, Лоскутов уходит на поиски нового материала и новой формы.

Он уезжает в Туркмению, в Кара-Кум.

Перед нами пустыня, которую завоевывали большевики.

Через тяжелые пески Кара-Кума на Серные Бугры, где выстроены завод, ведут на грузовых машинах тяжелые автоклавы.

Это весь сюжет.

Но все, что видит Лоскутов, передается нам красками и звуками, пыльными полными жизни.

И пустыня встает перед нами во всей своей обыкновенности, ранее неизвестной нам.

История ее страшна и увлекательна, настоящее прекрасно, полно борьбы и созидания.

Я не стану передавать содержания «Тринадцатого каравана» — это было бы совершенно излишне, тем более, что во второй своей книге — «Рассказы о дорогах» — Лоскутов рисует ту же самую пустыню — знаменитый Кара-Кумский автопробег.

Но скажу только, что писатель современен, от современности никуда не уходит и уходить не имеет желания.

А написал он уже много.

И заодно замечу тут: странным кажется то обстоятельство, что до сих пор Михаил Лоскутов не перевел ни кандидата в члены союза советских писателей, хотя своим трудом и дарованием давно уже приобрел это право.

Однако самое важное для меня — определить путь, по которому идет писатель, а для этого необходимо извлечь из всего, что он сделал, его собственные взгляды на искусство.

Начав свое служение очерку, Лоскутов — надо отдать ему справедливость — довел его до высокой степени совершенства, до искусства. Но вряд ли помогало ему в этом какая-то особенная форма очерка. Очерк тут не причем. Помогли ему сила его собственного дарования, его свободный язык, его свежий и точный пейзаж, его выразительный образ, наблюдательность, поэтическое чувство, короче — его талант.

А очерк, по-моему, мог только помешать и стеснить его.

Проза требует большего простора, а бы сказал — большей неопределенности. Путешествие, поэтика, спонтанный предмет стесняет ее. Она с трудом терпит преграды.

Отказавшись от повести, от рассказа, то есть от искусства называть мысли и действия на одну нитку, крепко связанную своими концами, писатель повсюду должен приблизить к глазам читателя предметы.

«Когда сжимаются кулаки»

В переводе с рукописи вышла в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» автобиографическая повесть молодого парижского рабочего, комсомольца Роже Белланже — «Когда сжимаются кулаки».

Герои этой повести — юноши и девушки парижских предместьев.

случайно попадающиеся ему на пути. И именно отсюда в первых книгах Лоскутова так сильно чувствуется уважения к вещам, так много старания рисовать их крупно, сделать живыми. Он долго размышляет о них, он наделяет их характерами, заставляет действовать как герои.

Но предметы и вещи в пути слишком много. Они утомляют читателя, так же как и путешественника.

Хотя — следует отдать Лоскутову справедливость — он рисует их хорошо, порою превосходно.

Разговор шофера со своей машиной, обладающей собачьим характером, или история с психометром Асмаян в книге «Рассказы о дорогах» — картины высокохудожественные и совершенно предельные.

Но что из этого? Это только доказывает, что у Лоскутова силен именно дар беллетристики.

Да и сам он доказал это многими своими рассказами, из которых последний — «Среднее образование», напечатанный в пятом номере «Пионера» за 1938 год, — является, по моему мнению, произведением, замечательным по своей простоте и трогательности.

Это маленький эпизод, минута в жизни гимназиста Пети и его отца — мелкого почтового чиновника Толстого. В городе стреляют. Наступают красивые, отступают белые, а Петя с отцом повторяют немецкую грамматику.

— Вир муссен, зи муссен.

Бедный Петя. Ему так хочется посмотреть, как красивые будут подходить к воюющим, а отец повторяет ему давно уже известные Пете мысли о будущем куске хлеба, о среднем образовании, о том, что дела ни лет ни до каких выстрелов, — мысли, порожденные бедностью всей прошлой жизни, страхом и заботой о маленьких людях.

Но Петя-то хорошо знает, что отец не такой уж плохой, как можно судить по его словам, а только беспомощный, противоречивый, замученный вечной нуждой, но все же хороший человек. И его сердце доступно возмущению и бунт против старой жизни. И его волнует то же самое, что волнует маленького Петью.

Чудесный рассказ, который может доставить наслаждение самому внимательному читателю.

И тем более он хорош, что является поворотом на творческом пути писателя. Он написан в совершенно иной манере, чем его очерки. Форма более проста и совершенна. Предметы и вещи, которые Лоскутов так любил описывать в крупном масштабе, приобретают свой естественный размер. Не чувствуется никакого старания сделать их больше или интересней, чем они есть на самом деле.

И в то же время в рассказе собраны самые лучшие качества таланта писателя, приобретенные в его непрестанном развитии.

Здесь ясность и точность в изображении предметов, умение размышлять о них по-новому. Здесь юмор и милая ирония, которыми так богаты веселые рассказы Лоскутова — «Горюшка собака», «Волшебная палочка» и другие, кстати сказать, предельные рассказы, над которыми дети хохочут от души.

Здесь есть искусство подлинного художника. Форма свободна, коллизия жизненная, повествование стройно. Все находится в правильном соотношении, предметы, люди, их разговор и действия — все служит одной мысли, одной цели — рассказать о человеке правду, показать его характер.

Короче, Лоскутов не стоит на месте, он беспрерывно идет вперед.

Беспомощный дух поэзии, который водит пером каждого настоящего писателя, увел и его от тесной формы очерка к свободному рассказу, к вечному источнику искусства — человеческому сердцу с его борьбой, с его волнениями, горем и радостью.

И это очень хорошо.

«Товарищи»

В нашей стране еще с первых лет революции установилась такая демократическая форма обращения к советскому человеку: «Товарищи». Это обращение вошло в обиход.

Ростовские писатели, выпущая в издании Ростиздата альманах, дали ему название «Товарищи». Тем самым как бы определили и облик героев произведений, включенных в сборник.

В большинстве произведений действующие лица — это главным образом люди нашего времени, — рабочие, пограничники, колхозники, исследователи, инженеры.

В сборнике «Товарищи» напечатаны рассказы, очерки и стихи. Мы пока остановимся на прозаической части книги. Совершенно очевидно, что авторы рассказов имеют гораздо больше возможностей, чем газетные очеркисты. Очеркист сообщает в художественной форме факты. Или он ограничивается лишь допуская какую-то долю вымысла, то есть для того, чтобы сделать сам факт еще более рельефным. Автор рассказа знает не стеснен. От него лишь требуется, чтобы и в выдуманное и в подлинное читатель поверил. Но когда сравниваем помещенные в альманах рассказы с помещенными там же очерками, то думаешь: как мало выдумки у людей, имеющих на все право, и какие замечательные факты рассказывают авторы, пишущие о подлинных случаях жизни. В очерках — острая наблюдательность, художественный такт, вкус к образу и слову. В рассказах — поверхностное опи-

сание «героических» случаев, шаблон и дешевой восторг.

Разумеется, никто не подумает, что мы говорим о каких-то преимущественно очерка перед художественной прозой. Речь идет о преимущественно писателя, идущего от жизни, перед писателем, мучительно выдумывающим тему и не умеющим видеть жизнь такой, как она есть, со всей ее настоящей сложностью, глубиной и борьбой.

Вот Г. Манянов описывает свою поездку в далекие аулы Шангутии. Просто и спокойно, местами лучше, местами хуже повествует он о людях этой горной страны. И вдруг среди других эпизодов мы читаем рассказ о том, как выручили горцы своего товарища, случайно раненного в горах.

«Несколько лет назад случилось неприятное происшествие. Во время летних январских морозов колхозник Салим отправился с двумя товарищами в горы на охоту. Остановившись на ночлег в каком-то ущелье, охотники положили ружья в расщелину скалы. Утром Салим полез за ружьем. Взяв ружье за ствол (оно лежало прикладом внутри), он стал тянуть его из каменного ложа. И тут произошло неожиданное... ружье выстрелило. Сивановая пуля — большая, грязная — вошла в лодку, прошила, дробя сухую жилу и кости, через всю руку и вышла в плече со стороны спины...»

...В ауле имелся фельдшер, который и забинтовал рану, но было ясно, что без хирургической помощи не обойтись. Надо в

больницу. Но как доставить в город раненого? Стояла именно та пора, когда хребты заваливаются снегом, а реки и ущелья переполняются водой. Сообщения с городом не было.

Пять дней пролежал в ауле Салим. Рана стала гноиться. Еще день-другой, и она бы человек. И вот тогда было принято решение: во что бы то ни стало доставить раненого в город. Соорудили носилки, положили на них Салима, и все вместе человек — все взрослые черкесы аула, кроме дряхлых стариков — поперек стяннули свои пояса с серебряной нащечкой. Наполнили карманы орехами вместо хлеба, как это делают злые охотники, отправляясь на охоту, звалили на плечи носилки, и поход начался. Через заваленные снегом хребты, через безымянные реки, через кручи и скалы несли носилки своего товарища. Лишь только один уставал под носилками, на его место становился другой. И так — все пятьдесят километров до самого города. Это было невиданное зрелище. Когда шествие вступало в город, все население собралось смотреть на черкесов.

Никогда не чувствовал я такой ответственности, как в этом случае, — рассказывал мне доктор, лечащий Салима. — Человека принесли за полсотни километров на плечах, принесли всем аулом, — как можно допустить, чтобы он умер? А это было вполне возможно: рана была очень запущена...»

В пятидесяти строчках — правдивая и трогательная история о дружбе советских

людей, о правилах социалистического общежития.

Г. Манянов написал патристический очерк. Беллетрист Бюков задумал той же целью. Но он пошел иным путем. Его рассказ «Победа» надуман и невыносим по своей пошлости.

Вот мать беседует с дочерью о ее отце, погибшем в годы гражданской войны. Мать плачет, дочь успокаивает ее. Что говорит ей дочь в утешение:

— Мама, мама, — обняла ее дочь, — знаю, хороший папа был. И как мне его жалко! Но только не плакать по нему, а работать, работать за его дело нужно (!).

Какие мертвые, и к тому же неграмотные строки, какой штампованный набор слов!

Или вот другая сцена.

— Петров стал против сына.

— На какое дело едешь, поминишь?

— Помню, отец.

Петров удовлетворенно кивнул головой.

— До свидания, — пожал руку и пошел сын неуклюже, как-то обку.

Мать пришла к плечу сына. — Сынов, сынок! — слышалось в ее всхлипываниях.

Лица, решительно раздвигая ребят, пошла бланко.

— Посылаю тебя как лучшего. Все коллегам поручается за тебя. Не подведешь? Подлежавшая и напряженная, смотрела ему в глаза.

— Не подведу, — протянул он ей обе руки.

Что случилось? Оказывается, Володя едет учиться в военную школу. Почему же бедность, почему напряженность во взглядах? Автору нужно, чтобы на каждой странице были «герои». Жизнь он не знает, поэтому применяет «железные слова», как говорил гонимый Захар.

Герой рассказа Володя после окончания военной школы женится на Лиде и уезжает на границу. Лида накануне родов приезжает к мужу на заставу. Володя, несмотря на полученное от командования разрешение, не едет встречать ее, так как поступили сведения, что нарушители собираются перейти границу.

Спустя некоторое время враги вновь переходят границу. Лида почти одна на заставе. Здесь она вынуждена обратиться к пленному. Враги окружают заставу. Лида отстреливается, но в это время начинаются родовые схватки.

— Маленький мой, положь, — просила Лида. — Родной мой, положь. Мама за всю жизнь была она своего будущего отцебашка, не отрывая взгляда от правого угла опущки. И будто понял ее собравшийся в жизнь — затык. Тут уже автор считает, видимо, героем не только Лиду, но и еще не рожденного ребенка.

Ребенок все же рождается возле плулета, и его называют «Победа». Сколько в рассказе пошлости и надуманности! Почему героизмом считается оставить беременную жену в беспомощном состоянии? Ведь командир предложил Володе быть на заставе. Зачем женщина, находящаяся накануне родов, уезжает из города, где есть врачи, больницы и т. д., на пограничную заставу? Не для того ли, чтобы вырвать автора, о героизме знающего лишь понаслышке.

Стихи, представленные в сборнике, лучше прозы. Но и здесь встречаются чрезвычайно неудачные строки.

Вот стихи В. Барамзина «На Волге»:

Тот год войны гражданской налет
Мой полком! Не вспоминай ты,
Как сталью ржавой пеленали
Мы пароходные борты?

Что значит «Год войны гражданской налет»? Как можно пеленать пароходные борты? Пеленать — значит плотно закутывать, чтобы стеснить движение. Это ли имел в виду автор, когда он с политиком пеленал «пароходные борты»?

Или вот беспомощные строки В. Пермякова:

Достает он подругу-скрипку
И, упрямим смелым вымахнув,
Очень робкую, но улыбку
На лице заживает вдруг.

В стихотворении В. Коваленко «Девушка в кожаной куртке» поэт описывает героиню гражданской войны:

Она встает с котомкой за плечами
Не по летам красива и стройна,
Она не знала, где война кончалась,
Где начиналась новая война.

Человек может быть, как известно, красивым в любом возрасте. Почему же девушка «не по летам красива»? Автор вряд ли сумеет ответить на этот вопрос.

Да и как рифмуют поэты: «вымахнув — вдруг», «плечами — кончалась».

Выделены в альманах талантливые стихи 12-летнего школьника Юрия Олжогова.

Выход в

М. ПРИШВИН

«СЕРАЯ СОВА»

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

У индейцев есть бытовая традиция: если зверолов убивает старого бобра, он должен воспитать осиротевших детенышей.

Жил в глухих канадских лесах индеец-охотник «Серая Сова». Верный традции, он вместе с женой воспитал двух детенышей убитых им бобров.

Охотник привязался к ним, научился до тонкости понимать животных. По радио, проведенному в его жилище, индеец научился английскому языку и написал о своих бобрах книгу, принесшую ему славу и грому славу.

Сейчас «Серая Сова» — директор Канадского национального парка. Рассказ о жизни этого человека положил М. Пришвин в основу своей новой повести «Серая Сова».

В публикуемой главе повести описывается возвращение «Серой Совы» и жены его Анахарео из города, где он получил первые деньги за свою книгу. Повесть полностью будет напечатана в журнале «Молодая гвардия».

ЯСЫР ШИВАЗА

Янцзы-цзян

(Вступление к поэме)

Янцзы-цзян — голубая река, Цвет воды ты у неба берешь, Ты хрустальной змею течешь, И бескрайны твои берега.

На верховьях не тает снега, А весна на низинах твоих, Для тебя будет снуемым мой стих, Янцзы-цзян — голубая река.

И, как тигр, ты грозна, Янцзы-цзян, К океану дымится волна, И от гнева ты станешь черна, И утихнешь в плену, Янцзы-цзян.

Под водой тихо рыбы плывут, Птицы шумно летят над тобой, Странник-нищий ищет стороной, И тебе они песню поют.

Молчаливым не буду и я, Если песня мне так же родна, Если ты мне утеха одна, Если песню сложили для тебя.

И сравнить тебя с морем нельзя, Океану — ты капля воды, Но в легендах бездонная ты И большая река, Янцзы-цзян.

Только волны коснутся земли — Она рис благодатный родит И питает, как мать на груди, И сады ее в тысячу ли.

Как рисунок, как жемчуга нить, Ты легла на зеленый атлас, Хороша ты без всяких примесей. Как тебя, Янцзы-цзян, не любить!

В непогоду ты только страшна, Только в бурю ты злешь волчицу, Пред тобою склоняются ниц Мощный дуб, золотая сосна.

И смиренные долины полны, И подвластны тебе города, Ниманья богатыя мзда Не заробит ревущей волны.

Гребень пенный поднимается высь И утонет в прибрежных песках, Лишь тогда на простертых рунах Понесу тебе жертвенный рис.

Янцзы-цзян — голубая река, Цвет воды ты у неба берешь, Ты хрустальной змею течешь, И бескрайны твои берега.

Перевод с дунганского Феликс ОЩАКЕВИЧ

Евг. БЕРМОНТ, Лев СЛАВИН

«ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО»

ОТРЫВОК ИЗ КОМЕДИИ

НЮРА: Какая-то гражданка к вам встает. ХОЛСТОВ: Гови в шею. Наверное опять по поводу моего герцога.

НЮРА: Говорит, что ее фамилия Яншур. ХОЛСТОВ (возбужденно): Так это же из нашего месткома. Может, по поводу моей работы? Прости войти!

Нюра выходит. ХОЛСТОВ: Здорово, Пяля! Хорошее дело, освобожденного члена месткома не пускают! Как живешь, Пяля? Жилплощадки хващает? Убожства в порядке? Билеты в кино есть? Вот тебе! (Ставит на стол радиоприемник) — от профсоюзной массы. Он, правда, без ламп, но в четвертом квартале будущего года лампы обязательно будут.

ХОЛСТОВ: Спасибо, за что собственно... до сих пор меня никто не замечал... ЯНШУР: А теперь заметили! Ты на пожаре вырост. Ты герой, Гордость нашей организации. Она сразу выхлупила на первое место в районе, и момент удачный: как раз перед представлением квартального отчета в ЦК союза.

ХОЛСТОВ: Вы бы лучше мою работу подтолкнули об аэротной кислоте. Она там у вас выдвигается нечитайно. Копию, правда, я послал в наркомат... Ведь это очень важная для промышленности вещь...

ЯНШУР (перебивая): Ах, дорогой мой, не до твоей работы сейчас! Мы сейчас тебя прорабатываем, как героя. Завтра в десять часов утра — загляни себе — твоя встреча с инвальдами нашего района. В двенадцать часов — с учащимися млыноваренного техникума, транспорт обеспечен. В семь часов — с домохозяйками и домработницами.

ХОЛСТОВ: Постой, постой, что за бред, какие млыновары, какие инвальды? ЯНШУР: Что значит — какие! Инвальды нашего района. Передашь им опыт вытравливания женщин из огня. Потом выступишь поэт Пулардов. Поэт он паршивый, но его всюду печатают. Потом проведем тебя почетным пионервожатым, как героя...

ХОЛСТОВ: Да откуда вы взяли, что я герой? Холстов, воспользовавшись тем, что Яншур выпустила его руку, уберает из комнаты незаметно для окружающих.

ЯНШУР: А мы снимаемся. Можешь в качестве отпа стать явлом, Старокопытов. СТАРОКОПЫТОВ: С удовольствием. Я буду ему пожимать руку.

ЯНШУР: Нет, пожимать ему руку будет общественность в моем лице. СТАРОКОПЫТОВ: Собственно почему? Героя роля!

ОГУРЦОВСКИЙ: Оба, оба будете пожимать. Ставовитесь! Все идут к креслу. Оно пусто. Холстова нет.

ЯНШУР: Где он? СТАРОКОПЫТОВ: Удрал! ЯНШУР: Да как он смеет! СТАРОКОПЫТОВ: Скромный герой.

ЯНШУР: Это вызов общественности. Догнать. Яков, за мной! Яншур и Огурцовский бегут из комнаты.

В дверях они сталкиваются с входящими в комнату кинорежиссером Олегом Десятичным и опрокидывают его.

Слышится голос Яншура: «Нет, я вас спрашиваю, что это: скромность или кое-что похуже?»

Старокопытов кидается к барахтающему Десятичному.

СТАРОКОПЫТОВ: Паркетов! Десятичный поднимается и с оскорбленным видом смахивает с себя пыль.

ДЕСЯТИЧНЫЙ: Простите, это квартира товарища Холстова?

СТАРОКОПЫТОВ: Да. ДЕСЯТИЧНЫЙ: Это вы и есть Холстов? СТАРОКОПЫТОВ: Нет, я его отец, профессор Старокопытов.

ДЕСЯТИЧНЫЙ: Ах, так это вы и писали письмо на кинофабрику! Позвольте представить: кинорежиссер Олег Десятичный. СТАРОКОПЫТОВ: Прощу садиться. Сын upholstery меня вести переговоров. Он очень занят, сами понимаете — в его положении... рвет на части... Сейчас, например, за ним прислали машину и отвезли его... ну вы понимаете!

ДЕСЯТИЧНЫЙ: Понимаю! СТАРОКОПЫТОВ: А что вас интересовало бы?

ДЕСЯТИЧНЫЙ: Видите ли. Собственно я должен был ставить историческую картину на тему «Война с печенегами»... тема довольно интересная, зарождение торгового капитала, боярская вотчина как экономическое понятие, удельный вес патриархального общественного строя. Но я тянусь к современной тематике.

СТАРОКОПЫТОВ: И давно уже тянешься? ДЕСЯТИЧНЫЙ: Да уже недели три. И в этом отношении полнит вашего сына внутренне отвечает моему творческому состоянию. Вы понимаете, он меня творчески раздражает. Может быть, еще рано говорить об общей концепции фильма...

СТАРОКОПЫТОВ: Рано! Сейчас лучше поговорим об авансе.

ДЕСЯТИЧНЫЙ (не слушая): ...но стилизованные оформление вещи мне ясно. Внутренним взором художника я отчетливо вижу отдельные кадры: зарождение торгового капитала...

СТАРОКОПЫТОВ: Пожар? ДЕСЯТИЧНЫЙ: Пожар? Не годится. СТАРОКОПЫТОВ: Почему?

ДЕСЯТИЧНЫЙ: Пожар в кино невозможно изобразить.

СТАРОКОПЫТОВ: Помилуйте, во многих картинах есть пожар.

ДЕСЯТИЧНЫЙ: Кому вы говорите! Я работаю кинорежиссером с 1926 года.

СТАРОКОПЫТОВ: А что вы поставили? ДЕСЯТИЧНЫЙ: Я еще ничего не поставил. Но я уже два раза был в подготовительном периоде. Сейчас мне нужен творческий полноценный спенарий...

СТАРОКОПЫТОВ: Пожалуйста. Денька за два сварганим.

ДЕСЯТИЧНЫЙ: Что вы? Судите сами: писать спенарий — месья, переделки — одиннадцать месяцев, второй вариант — писать месья, переделки — одиннадцать месяцев. Третий вариант — писать...

СТАРОКОПЫТОВ (перебивая): Когда же картина будет?

ДЕСЯТИЧНЫЙ: Видите, картины наверное не будет. Но если удастся довести до подготовительного периода, я буду глубоко творчески удовлетворен.

СТАРОКОПЫТОВ: А до гонорара удастся довести?

ДЕСЯТИЧНЫЙ: О да! Но имейте в виду, что из этого же гонорара придется уплатить

одному писателю за диалог и другому — за укрепление сюжета.

СТАРОКОПЫТОВ: Ну, укрепление сюжета я беру на себя, а диалог сделает мой Риточка. Зачем заказывать на сторону! Пусть все останется в семье. Главную роль, небось, будет играть ваша жена.

ДЕСЯТИЧНЫЙ: Ни в коем случае! Жена у меня будет работать ассистентом. А на главную роль я думаю приглашать старшую сестру.

СТАРОКОПЫТОВ: Правильно! Надо бороться за укрепление в кинематографе крепкой советской семьи! Ну, я вижу, у вас творческих разногласий нет. Когда можно получить аванс?

ДЕСЯТИЧНЫЙ: Аванс мы можем получить завтра же.

СТАРОКОПЫТОВ: Т. е. как это мы? ДЕСЯТИЧНЫЙ: Вы и я.

СТАРОКОПЫТОВ: А при чем тут вы? Автор — я!

ДЕСЯТИЧНЫЙ: А я соавтор. СТАРОКОПЫТОВ: Вы же режиссер? ДЕСЯТИЧНЫЙ: Все режиссер — соавторы.

СТАРОКОПЫТОВ: И все авторы — соавторы режиссера?

ДЕСЯТИЧНЫЙ: Нет. СТАРОКОПЫТОВ: Почему? ДЕСЯТИЧНЫЙ: Специфика кино.

СТАРОКОПЫТОВ: И во сколько мне станет эта спелпифка?

ДЕСЯТИЧНЫЙ: Соавтору обыкновенно полагается 207/415 гонорара.

СТАРОКОПЫТОВ: Т. е. пятьдесят процентов. И это делается среди белого дня!

ДЕСЯТИЧНЫЙ: В кино обычно темно. СТАРОКОПЫТОВ: Пятьдесят процентов!!! Возьмите тридцать.

ДЕСЯТИЧНЫЙ: Ну, нет, это не творческие разговоры.

СТАРОКОПЫТОВ (вставая): В таком случае ничего не выйдет. Резкое творческое разногласие, мы обратимся к другому режиссеру.

ДЕСЯТИЧНЫЙ: Другой режиссер может быть, но типичен в современной тематике. СТАРОКОПЫТОВ: Потанцуете!

В комнату вбегает Холстов и запинает двери на ключ. Приставляет к дверям стул. СТАРОКОПЫТОВ: Паркетов!

ХОЛСТОВ: Нет, не Паркетов, а Холстов. Десятичный! Товарищ Холстов! Скромный герой! Позвольте приветствовать...

ХОЛСТОВ: Вот! Отодвигает стул и распахивает дверь. ДЕСЯТИЧНЫЙ: Позвольте, я творческий работник...

ХОЛСТОВ: Вот!!! (Хватает стул. Десятичный выбегает).

СТАРОКОПЫТОВ (отодвигая стул): Полегче, это Екатерина!

ХОЛСТОВ: Вот этой бы Екатериной его по голове! Да жаль, не выдержит. СТАРОКОПЫТОВ: Что, голова? ХОЛСТОВ: Нет, Екатерина!

А. ПРИШЕЛЕЦ

ВСТРЕЧИ

Хороша теплота людская! Где б ни шел ты в своей стране, — Вот опять впереди мелькает Золотой уголек в окне.

Ничего, что ты незнакомый В этой местности человек. Ты подожди к любому дому — И попроси себе ночлег.

Что за люди к тебе выйдут? Предлагают тебе приют И, пропустив в непогоду, Хлеб и чаю с вином дадут.

Для своих у нас хватает крова, Мы ни в чем для них не бедны.

Принят тебя, как родного, В каждом доме твоей страны! Ты устал впереди мелькает Золотой уголек в окне.

На остром еще дождик льет. Но, согрет и обласкан дружбой, Ты готов — хоть сейчас в поход! Не герой — ты поймешь в героя, Безоговорочно — ты вздрогнешь. Ты, до дня обаянья, раскроешь Осторожное сердце твое.

И потом, холодком рассветов Проходя на одну версту, Ты надолго запомнишь эту Человеческую теплоту!

А. ПЕРВЕНЦЕВ

«НА ДКУБАНЫЮ»

ГЛАВА II

Двор Егора Мостовой находился на краю станицы, у устья Саломахи, впадающей в Кубань через камышовое гирло, поросшее по берегам ивами и густым вербовником.

После сдачи станицному собору зазем 2-го Ялдейского полка Мостовой возвратился домой, веля в поводу кося, заморенного утомительным маршем. Сенька находил дорожки, цеплял отцову руку, тявзая за собой.

— Сюда ступай, батя. Вот сюда, тут хорошо итти, зоды наждали... Батя, чего же ты ослезаешься? Так и пасть можно.

Дождь немного притих. Кое-где сквозь порывные облака проглядывали звезды. Тучи хлывались за Кубань, к хребту, прорывы закрывались, и блеснувшая перед этим лужа угасивалась только по булькающей редких дождей каплях.

— Тьма-тьмущая, Сенька, — сказал Егор, напунувшая влажную спину сына, — как у тебя с обучей?

— У меня чоботы добрые, батя, — успокаивал отца Сенька, — у меня обучи за шинельного сукна, дядька Павло отдал свои, фронтовые.

На Сеньке худые опорки, набитые холодной грязью, дваваться было тяжело, пальцы, казалось, раскисли. Сенька хрибрился, стараясь не обеспокоить отца при первой же встрече после трехлетней разлуки.

— Лука все время нашим пнем пользовался? — спросил на ходу Егор.

— А как же. На году в год, без переудху пшеницу-белокорку сеял. Первые два года роляла ничего себе, а на третий — подкачала.

— Стало быть, истощил землю? — Ну да, — подтвердил Сенька, — по своему пям пшеницу пуская всемережку

Новый роман А. Первенцева «Над Кубанью» посвящен Красной Армии. Ниже мы печатаем отрывок из первой части романа, полностью печатающегося в журнале «Октябрь». Роман состоит из трех книг. Первая знакомит читателя с основными персонажами произведения и охватывает последние годы империалистической войны. Во второй и третьей книгах будет показана Красная Армия в период гражданской войны и в наши дни.

то с подсолнушками, то с кукурузой, а на нашу навалили одним зерном. Жирная, говорит, земля, чорт ее не возьмет.

— Заработанное тобой сполна отдавал? Сенька помался.

— Как сказать, батя. Сапоги да тулупик справил, как мы и радилась. Ничего себе, юхтовые сапожата, матрос Филипп пошил, с саломакхинского боку... За Батуриным еще пять четвертей гаровки, да чува кукурузы рисовой. Отдать должен.

— Сапоги-то сносил? — Где там сносил, — мальчишка засмеялся. После короткого молчания добавил: — Дед Лука только показал их, а потом в суауду. Я ему говорю, отдай, зима подошла, ногам тепло, а он кнутый!...

— Вид? — тревожно перебил отец.

— Вид! — Сенька хмыкнул. — Так я ему и дался. Им кисло меня бить... Ну их... я их...

Годое Сеньки задрожал, оскеса. Отец приблизился вплотную. Заметив, что сын ежится в женской колодажке, перекинул винтовку со спины на плечо, растегнул шинель, хульское тело прильнуло к нему.

— Кнотом и палкой? — спросил Егор.

Он шел, стараясь попасть в такт мелким сенькиным шагам. — А может и... кулаком?

— Всеко попадало, батя, — признался Сенька, — только ты не серчай на них, пльнь. Работников по всей станице коло-

тют. Такой обычай, славна заведенный. Мне еще не так. Дед Лука замачнется, а я угудус. Право слово, не было больно, батя. Провалился на этом месте!

Сенька, понимая состояние отца, пытался его успокоить. Егор олепил эту невнятную улодку, ему хотелось как-то задушевной приглубить сына, но гордая казачья суровость его сдерживала.

— Чего же ты Луку, в свой черед, не потянул кнутом, а?

— У него не вырастет, цепкий дед. Зато я у Луки раз по осени курицу-несушку упер, — похвалялся Сенька, вздрагивая от внутреннего смеха, — вот убой меня пыгал молотком, не брешу.

— Как же ты? Ну, ну, расскажи.

Сенька подробно поведал случаи с похищением курицы. Егор коротко посмеялся.

— А хату доглядает? — Нельзя сказать, чтобы здорово, — вздохнул Сенька, — забегали раз с Мишкой Карагодиным, на завалинке посидели, да лодой, — страшно. В стрехе что-сь свистит. Дедушка Харитос рассказкал нам, что когда-сь давно возле нашей хаты казак черкесов побила, а он отца своего с берлана невзначай подвалил, — так и вовсе страшно. Еще мертвяки пряснятся, ну их... Забор наш вистую соседи растянули. Сарайчик и тот наполовину раскрыли.

Дальше двинулась молча, каждый был занят своими мыслями. Мимо — просвечивающиеся сквозь щели ставень оконца хат. Иногда доносились глухие звуки песни, переуды гармоньки, пьяный шум — празнично приход казаков с фронта. В большинстве домов было тихо, во дворах безлюдно. Знал Мостовой — немало станицников сложили головы в далеких и скупных землях. Не всем был празничком приход житейских поводов, не каждой семье радость.

Вот и окраина. Здесь, ближе к обрыву, жила либо извечная казачья гольтуба, либо недавно отделившиеся семья, не успевшие еще

поставить службы и заборы. Вместо огорожи тянулись каналы, обсаженные тоненькими гилочками молодых акаций.

Зашумели камыши, с гирла потянуло гнилым холодом. На путничков навинулся знакомый размашистый тополь, слабо показывающий голые ветки. Белым пятном обводилась хата. Забор и впрямь исчез. По вырывали даже столбы, оставив линию ямок, сейчас до краев заполненных водой.

Вправо чернели амбары и дрянный, в три звена, сарай сосела Игната Литвиненко. Мостовой на минуту задержался, точно оценивая повреждения, сжал ременный погон винтовки и направился во двор, подгибая сапогами стелбицу податливую леду.

У тополя Мостовой остановился, накинув на сучок повод и медленно пошел к хате. Какой маленькой и убогой показалась она ему. Стены отсырели, завалинку поразмыло; вся хатенка осунулась и покосилась, вроде хитро прислушиваясь. Ставни и двери были заколочены, возле трубы шевелилась суренка, выросшая на крыше.

В этом неказистом жилище родился Егор Мостовой. Во дворе, пологу уходящем в густой очерет, пропта его юность. Тут же отпевади родители, и отсюда, незалогу перел войной, отнесли на погост его тихую, некрассивую жену. Егор пролет шершавой кистью по лбу, точно отворяя неуживные сейчас воспоминания, выругался сквозь зубы и начал зло отбивать прикладом лоску, накрест прибитые к двери. Отрухлявшие за три года доски легко кололись, и он силл их по щепкам. Толкнул ногой дверь. Она открылась без скрипа, точно провалилась вовнутрь.

В сенях Егор чиркнул спичку, огляделся. Отоволеду несло затхлостью. Дощатые стены запели и покрислы сырм грибок, как крышка на погребике. Не глася спички, переступил порог хаты и тяжело, точно лая земляной пол, прошел к печи. Опустился на лавку, скрипящую под ним, и широко расставил ноги. Печь неприглядно зияла черным овалом, и на шестке, будто пелая, застыла комкастая князьявая зода. На столе — толстый слой белой пыли, ею же покрыты лавки и юбка юпки. Сенька осторожно, боясь вздохнуть, подошел к отцу. Спичка догорела в корычках пальцах Мостовой, затухла, красновато

затлея уголек, почернел, скрутился. Егор притянул к себе сына.

— Ну, вот и война кончилась... отказовались... Вот мы опять вместе... дома...

Сенька до слез стало жаль отца. Он проглотил ненужный комоч, смургнул носом и, потянувшись, приняк к четангстой и какой-то плоской отцовской щекке.

— Ничего, папана, — утешил он, — мы тут все мигмо приберем, почистим. Мишку покличу Карагодина, Игшу Шахоненку. Хочешь, я у дед Луки запасаюк попу?

Егор медленно провел по голове мальчишка широкой, шероховатой ладонью и ощутил мокрое глаза и щеки.

— Семен, чего ты? Брось... А еще казак. Мальчик рывком уткнулся в отпылы колени, пахнувшие конским потом и кислым сукном. Плеча Сеньки потеривались.

— Зря, совсем зря, Сенька, — утешал его отец нарочито веселым голосом. — У нас еще будет жизнь. Что же мы, так весь век и бузем, как бурьян на межнике? Сенька заглядывал слезы.

— Фелька Велугура, атаманский, говорит... казаки с походу полные сельские попутки пятачков золотых привозят. А ты?.. Война нас совсем кончилась, а пятачков нема.

Мостовой приняк к уху Сеньки колошим грот.

— Эх, ты, Семен Егорович. Видал, какими бляками казаки возвернулись?.. У атамана колени дрожали... Война только закончилась... чего же ты кручиняешься, сын?

Мостовой звел коня в сени, рассадлал, растер ему спину и ноги попоной и, вытряхнув из вьючной сетки мелкое сено, потлепал гриву.

— Ну, привикай, баяреп, к кубанским харчам.

Вывалил жетельный вьюк на плечо, внес в хату. В темноте полза в правую суму, напучал метечек с ружейной принадлежностью и, позевывая в нем, вынул огарок толстой восковой свечки.

— Все требуется хорошему казаку, — сказал Егор, засветив огонь, — а подковою командиру тем более. Карту ночью члать...

Откуда-то подал, пламя колебнулось. — Батя, а как же свечка на ветру? Не гаснет?

— Ишь догадливый, — удивился Егор, — верно сообразил. В походе свечка — пожар. Это мы в дурака в тешушке играли, осталась.

Из той же сумки повывалась саква с галетами, банка с тушеным мясом. Мостовой вскрыл консервы кинжалом, и они поужили неприкосновенным запасом, звучно разгрязая окаменевшие галеты. Сенька чрезвычайно пришлись по вкусу и сушки и консервированное мясо, приятно пахнущее лавровым листом.

— То-то вы по три года воюете, — заметил Сенька, утисывая за обе щеки, — харч у вас, — дай боже москалю! по паску...

— Москалю-то, может, и дай боже, а вот... — Егор наклонился, попула сенькины ноги, — ты ж простынешь, ай-ай-ай... Складай отпорки, грейся. Что ж ты молчишь?

— Ничего, — солидно говорил Сенька, отставляла набитую липкой грязью обувь, — я привыкший. Меня никакая хвороба не берет.

Он завернул в попону посиневшие ноги и сразу ощутил приятную теплоту и сухость. Егор, наполнил торбу зерном из саквы, вышел в сени. Оттуда послышалось хрюпящее ржание. Мостовой возвратился, отряхивая рукава.

— Жалный до зерна баяреп! Пока торбу навесил, всего обслонивил. Угнанный конь как похрет зерно, сам торбу снимет, абы было за что запениться.

— А как же ты коня достал, батя? — спросил Сенька, прижимаясь к отцу плечем, — ты же пеши ушел.

— Нема убла, конь жив остался, — нехота проговорил отец, постылая вверху на холотной печи шинель.

— Кто ж немпа убил, а? — лобочитствовал Сенька, ползая под бурку, — ты, батя, убил?

— Нет, ты! Скны хололаять, накинись сверху, так навсегда теплее, на позиции проверено.

Сенька стянул куцавейку, и вскоре отец и сын заснули, крепко прижавшись друг к другу.

Симфония о Кирове

ВАНО МУРАДЕЛИ

Я заканчиваю сейчас симфонию о Кирове. Моя симфония — это глубокое переживание и размышление советского гражданина...

Именно такое разъяснение идеи произведения, без ненужной конкретизации сюжета, должна давать симфоническая программа. И в этом смысле литературная программа может быть большой помощью для слушателя.

Программа, которую я предписываю симфонии о Кирове, сводится примерно к следующему:

Первая часть. Киров — борец, трибунал, тюрьма. Музыка этой части, написанная в форме сонатного диалого, должна рассказать о Кирове как о человеке, борющемся за счастливую жизнь для всего трудящегося человечества.

Вторая часть. Скорбь и гнев народа, отвещающего врагам на убийство Кирова. Этот гнев могуч и глубок. Несокрушима воля народа к борьбе за те идеалы, за которые отдана жизнь Кирова.

Третья часть. Память о Кирове. В музыке возникает образ Кирова. Четвертая часть. В коротком вступлении снова проходит жизнь и смерть Кирова. Образ его зовет к великой борьбе за коммунизм.

Такова примерная тематическая программа симфонии. Симфония о Кирове будет исполнена впервые в Москве в наступающем сезоне, во время декады советской музыки.

Большим недостатком советского симфонического творчества является еще не изжитое пренебрежение к мелодии. Есть у нас люди, которые склонны принципиально отвергать мелодическое начало в симфонической музыке. По-моему, симфония должна быть такова, чтобы ее можно было спеть от начала до конца.

Второй принцип, которым я руководствовался при написании симфонии о Кирове, это закон экономии выразительных средств. Я сознательно хочу творить в одной лишь тональности, а не в двенадцати, скажем, ибо, на мой взгляд, эта полтональная музыка, чрезвычайно характерная для современного буржуазного Запада, теряет право называться музыкой. Стройность целого симфонического произведения не выигрывает и от широко распространенных среди группы наших композиторов приемов кажущейся контрастности, при которой все в музыке лишь мелькает, все оказывается дробным.

Модерн идеально умел сохранять единство целого при бесконечном разнообразии тем. На этом образце мы должны учиться.

Перед нами, композиторами, — неоглятное поле деятельности, неоглятное богатство тем. Перед нами — почетная и ответственная задача создать симфонию — мудрые и простые, волнующие и глубокие, богатые и предельно выразительные, близкие и понятные массам, создать такие симфонии, которые были бы достойны нашей сталинской эпохи.

Новые пьесы

Создание и столичные театры и Всесоюзный комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР включили в репертуар этого сезона ряд новых пьес.

Московский Художественный театр принял к постановке пьесу летчика Голикова «Будни».

Московский драматический театр им. Каверина покажет пьесу т. Горюхи «Здесь много солнца» — о борьбе с фашизмом и вредителями.

В Третьей пьесе т. Кнехта «Минусец» и пьесе т. Воллехова и Ленча «Настоящая жизнь» принята к постановке Театром революции. Премьера состоится в дни празднования двадцатилетия комсомола.

ПЕРЕД ОТКРЫТИЕМ СЕЗОНА В ГАБТ

Б. МОРДВИНОВ

Большой театр вступает в новый сезон с большой и ответственной программой. Советской теме принадлежит в ней главное место. На оперной сцене нам предстоит воссоздать во всех их героике золотые дни. Оперу на этот сюжет пишет по заказу театра композитор И. Дзержинский в сотрудничестве с поэтом В. Гусевым. В спектакле «Мать» по произведению М. Горького (музыка В. Желобинского) наш театр впервые покажет в действии пролетарские массы старой России, идущие к революции.

Композитор В. Соловьев-Седой готовит оперу о славных пограничниках, защищающих дальневосточные рубежи Советского Союза. В операх В. Юрковского — «Дума про Опанаса» (по поэме Э. Вагарицкого) и Тихона Хренникова — «В бурю» (по роману «Однорукий» Н. Вирта) Большой театр должен будет показать крестьянство.

Все эти постановки, естественно, не будут осуществлены в продолжение одного сезона. Зато такой план дает нам перспективу в работе над советским репертуаром. Театр объединяет композиторов, драматургов, поэтов, работающих над созданием будущих спектаклей. Советский репертуар ставит сложные задачи и перед режиссурой Большого театра.

«Тихий Дон», «Броненосец Потемкин», «Поднятую цепь» нельзя было поставить на сцене, пользуясь внешне пышными, но по существу старыми оперными стандартами. На советскую оперную сцену вышел народ, творивший великое дело революции. Оперная режиссура, которой не приходилось до сих пор в театре решать таких остро политических тем, была застигнута врасплох.

Характерное явление. Все исторические реформы оперы, за которые остро сражались музыканты, поэты, философы, шли мимо режиссуры. Оперной режиссуры — в нашем понимании этого термина — почти не существовало. Еще генеральный Метерлинк, полюбивший, боясь условности и фальши «оперной» трактовки его музыкально-драматических произведений, многозначительно надписал на одном из своих сборников: «Я исполнена без лицедейства». Нередко впрочем и в наши дни это оперное «лицедейство» находится в крайнем противоречии с музыкой, с общей идеей произведения.

Правда, в советском оперном театре права режиссера получают все большее признание. Сошлемся хотя бы на ценный опыт работы таких мастеров сцены, как Станиславский и Немирович-Данченко, которые возвысили значение режиссера в оперном спектакле.

С приходом нового художественного руководства в ГАБТ, режиссер стал желанным гостем. Ему остается оправдать право на полноценное сотрудничество с музыкальным руководством.

Художественный руководитель Большого театра С. А. Самосуд охотно идет навстречу режиссуре. Этот мастер-дирижер не мыслит настоящей работы над оперной партией, если не представляет хотя бы контуров будущего спектакля. Самосуд работает вместе с режиссером с первых дней черновой

подготовки оперы. В постановке «Поднятой цепи», например, активное участие лирикера Самосуда в спичеческом оформлении спектакля немало помогло мне, как постановщику.

В «роскошных» оперных постановках прошлых времен художник имел в ГАБТ новаторские и непривычные права. Режиссеру приходилось приспосабливаться к уже готовому оформлению. Сейчас режиссура ищет самого активного сотрудничества с художником, возлагая его в создание общей композиции спектакля.

Очень остро стоит вопрос о нашей работе с драматургами. Либреттисты не понимают порою элементарной логики развития спичеческого действия. В создании текста они не хотят идти ни от музыки, ни от общей идеи спектакля. Советским писателям есть над чем задуматься: для своей оперы о пограничниках композитор Соловьев-Седой уже написал большую часть музыки, очень талантливой, яркой, изобретательной. Но стройного, законченного либретто по существу еще нет. Бесчисленные варианты по своим драматургическим качествам и по языку не удовлетворяют ни композитора, ни театр.

Еще один «литературный» пример. Либреттисты «Думы про Опанаса» С. Горюхи и И. Прут никак не могут написать текст, который соответствовал бы музыке и замыслам режиссуры.

Одна из ближайших и ответственных постановок Большого театра — генеральная опера Глинки «Иван Сусанин». Мы создаем этот спектакль в тесном сотрудничестве всего коллектива, как музыкальную драму о героическом прошлом русского народа, о его борьбе с интервентами. Основная идея постановки органически вытекает из музыки Глинки — величественной и задушевной, тешкой и поэтически светлой. Эта музыка рассказывает об огромной любви к родине, о больших человеческих чувствах.

Не легка была задача создать для «Сусанина» правдивое декоративное оформление: живую русскую природу, реальный народный быт без стилизации, без прикрас. После долгих поисков Большой театр поручил оформление «Сусанина» художнику П. Вильямсу.

Пересматривая постановки классических русских опер, ГАБТ хочет по-новому показать «Борису Годунова» и «Хованшину» Мусоргского, «Черевички» Чайковского. Намечаются к постановке также шедевры оперной классики, как «Фальстаф» Верди, «Фиделио» Бетховена, «Дон-Жуан» Моцарта.

Из произведений братских народностей в первую очередь будут показаны грузинская опера «Абесалом и Этери» Палиашвили и опера «Кер-оглы» азербайджанского композитора Узеира Гаджибекова.

Мы все время должны вести режиссерско-педагогическую работу с певцами, чтобы создать кадры певцов — актеров музыкального театра. В наших планах намечается организация систематических оперных спектаклей-концертов (стационарных и выездных). Площадка, на которой певец будет играть при минимальном оформлении и поэтому неизбежно все внимание перенесет на свои выразительные средства, станет лучшей школой для певцов-солистов и для артистов хора.

История русского театра

Бригада молодых театроведов — аспиранты ИОЛИ и Театрального института — приступила к работе над книгой «Очерки по истории русского театра». В двух первых

томах будет дана история русского театра вплоть до XX в.

Третий том будет целиком посвящен истории советского театра. «Очерки» выйдут в издательстве «Искусство».

Шахтерский ансамбль

С. НАГОРНЫЙ

Несколько специалистов совершили длительное путешествие по шахтам, поселились в городах угольного Донбасса. Они приезжали на шахты и объявляли, что их интересуют люди с музыкальным слухом, люди, поющие, пляшущие, декламирующие стихи.

На каждой шахте находились люди, которые играли на гитаре, баяне или мандолине, пели в хоре или соло, плясали для небольшого круга друзей или же на клубной сцене — для публики. Оказалось неисчислимо множество самостоятельных трю, квартетов и даже больших оркестров и хоров. И везде были, признанные всем населением, любимцы-солисты: певцы, декламаторы, баянисты или танцовщицы.

Вот из этой массы людей и были выбраны участники ансамбля шахтерской песни и пляски — всего 160 человек. А идея создания этого коллектива принадлежит тов. Л. М. Кагановичу.

Большая часть участников ансамбля поверила в свое призвание, искусство навсегда завоевала их. Вот Федор Поголов — он знатный забойщик, он имел в шахте и славу, и большой заработок, и общее уважение. Но у него баритон, у него хороший слух, и он хочет петь. Или Пантелей Швачко. Это коногон из Рутченково. Он атлет. С такой силой в шахте не пропадет. Но, оказалось — у него тенор. Решено: он будет артистом.

Преимущество молодежи на стороне большинства участников ансамбля — они еще молоды успеют научиться. В дневные часы здесь — школа.

На днях я слушал первую программу ансамбля. Ее называют не только первой, но и «старой» потому, что она существует, по мнению ее участников, невероятно долго — целых три месяца. Видел ее почти весь Донбасс. До начала концерта художественный руководитель т. Вальшин и композитор З. Дунаевский предупреждали меня о том, что в программе много недостатков. Казалось, им даже не очень хотелось ее показывать. Однако программа была все же интересной и воодушевляющей. Недостатки такие: отсутствует тематическая и сюжетная цельность в программе, недостаточно она театрализованна (большинство номеров следует друг за другом, как в дивертиссементе, — обаяние, исполнение, поклон, снова обаяние); довольно скучный концерт (он был составлен «домашними средствами» чуть ли не в несколько дней); слабое исполнение большинства сольных номеров.

Но зато — отличный хор и джаз, прекрасно подобранная музыка, очень сильное, страстное исполнение коллективных номеров, бодрость, молодость, веселье и вера в себя! Великолепно прижигает Зинновий Дунаевский — с каким-то особым интуитивным, чудесно передающимся артистам и публике.

Собственно говоря, пока что — это и есть главное достоинство молодого ансамбля: горячий энтузиазм, влюбленность в свое дело, желание достигнуть многого. Такой коллектив не застынет, не успокоится — недаром японская программа считается «старой» и как бы уже не идет в счет. Зато все живет новой программой, строят ее, разучивают и возлагают на нее самые большие надежды.

Главное для ансамбля — песня, текст ее и музыка. Странно: до последнего времени у нас не было кажется ни одной шахтерской песни, положенной на музыку. Появление ансамбля сразу же заставило увидеть этот недостаток. Оказалось, что поэты и композиторы сочинили для Донбасса очень мало. Заслуга ансамбля в том, что он собирает и помогает созданию рабочей шахтерской песни. Впервые стихи

Павла Беспалого — известного юнецкого поэта — легли на музыку. По приглашению ансамбля приезжал в Донбасс Николай Панов. Он написал хорошие песни. Несколько песен написаны В. Винниковым и Шатуновским, Умарой и И. Вершининым. С радостью узнали работники ансамбля о том, что предполагается конкурс на лучшую шахтерскую песню. Статья тт. Корнейчука и Лебедева-Кумача в «Литературной газете» о шахтерской песне вызвала много разговоров, споров и вадель. Ансамбль по праву считает своим делом создание шахтерской песни. Работники его надеются, что конкурс привлечет к этому делу самых талантливых наших поэтов и даст множество таких песен, исполнять которые ансамбль будет с восторгом и наслаждением. К сведению поэтов: достаточно, чтоб песню исполнил ансамбль, и она уже через месяц будет распеваться в сотнях шахтных клубов, ее будут петь десятки тысяч рабочих Донбасса.

Но вернемся ко второй программе ансамбля. Очень трудно человеку, прожившему уже два дня с шахтерским ансамблем, сохранить тот критический холодок, который кажется необходимым для правильного разбора. Невольно заражаешься тем надеждой, вернее сказать — мечтаниями, которыми воуловляет весь этот молодой коллектив. Наблюдая, как участники ансамбля работают, готова вторую программу, начинаешь вместе со всеми верить: это будет здорово!

На сцене темно. В глубине мерцают огни террикона. Едва вырисовываются контуры высокого копыта. Вот на сцену, наскоро, падает луч света. Ползут выноски. Старый коногон поет свою песенку:

Шахтеры молчаливы, И если запоют, То знают, что счастливо Они живут...

Этот бесхитрый рефрен будет повторен в программе несколько раз. Он принадлежит концернскому коногону, изобретшему, впрочем, и всеюмо старину. Автором программы В. Винникову и Шатуновскому удалось этот образ — он несомненно понравится зрителю. Лукавые остроты коногона, его комические приложения, его оптимизм и энтузиазм скрепят программу, делают ее сюжетной и непривычной. Очень остроумно введены на сцену жена и дети коногона — его любимая и неутомимая подруга и их четыре сына — командиры и бойцы Красной Армии.

Замечательны песни, включенные во вторую программу. Здесь есть любовные и ступочные песни, торжественные и маршевые. В большинстве это песни сюжетные, с героем и событиями. Это пришло из их к народной песенной традиции. Отметим особо «Песню о Кагановиче» Николая Панова. Поэт написал простые и очень доходчивые слова, чтобы теплыми красками нарисовать образ сталинского наркома. Выделяется также ступочная оброчная песня «О залпах в повальных мушкетрах» (Винников и Шатуновский). Можно заранее сказать, что эту песню ждет очень широкая популярность.

Работники ансамбля собирают доблестный фольклор. Во второй программе будет исполнена одна старая песня — «Гибель коногона». Старик-шахтер поет этот печальный рассказ о молодом коногоне, погибшем в шахте. Это замечательная песня-баллада. В программе, помимо веселой, бодрой, радостной, эта нота печаль прозвучит далеким воспоминанием о давно ушедшем времени.

Еще несколько слов о музыке. В большей части новых шахтерских песен музыку пишет З. Дунаевский и Германов. Эти мелодии запяуют в сердце, как и следует песням о любви, радости, счастья, песням о труде и могуществе воины.

СТАЛИНО. (от наш. спец. корр.).

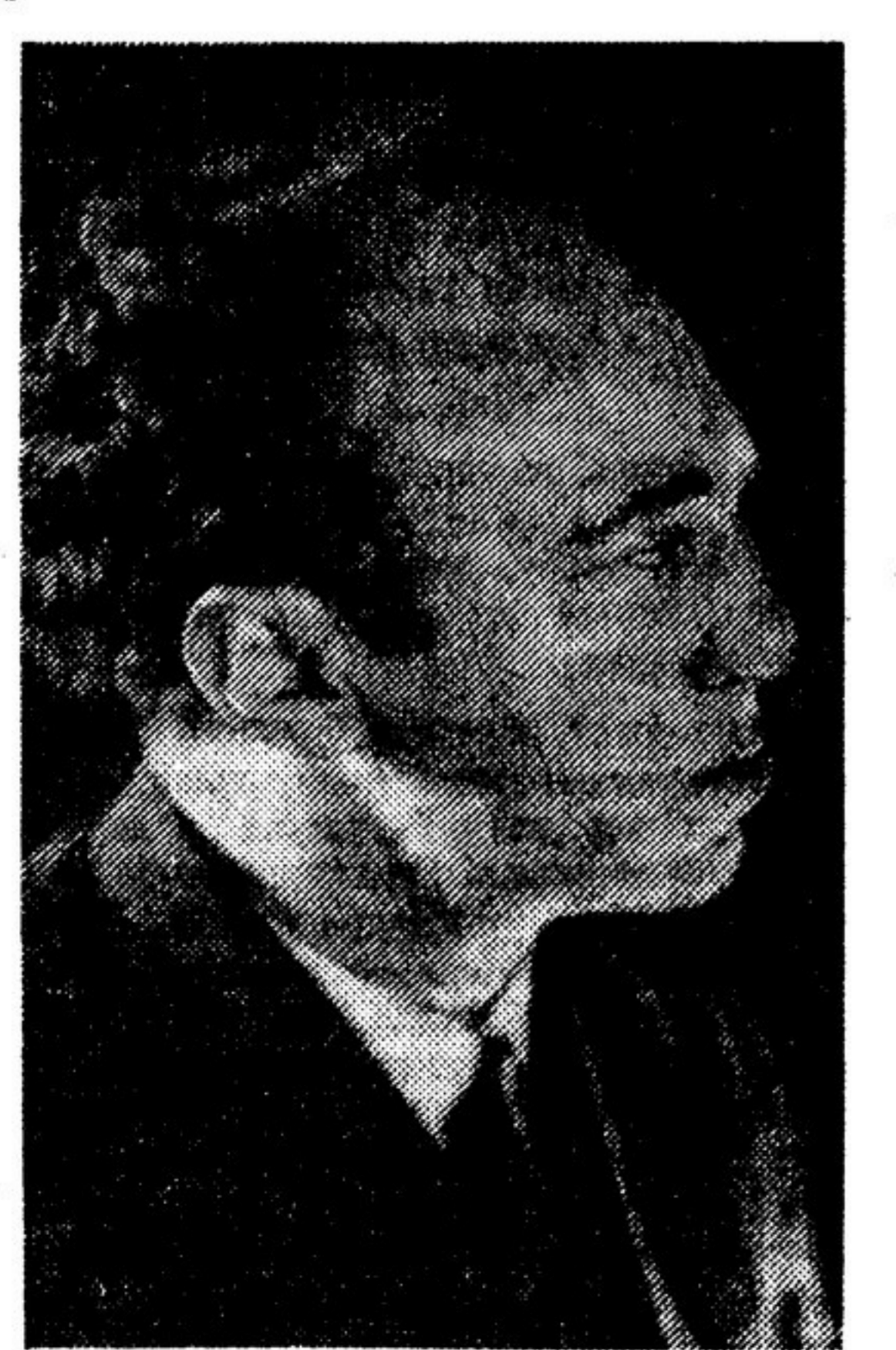
ЛЮДИ ИСКУССТВА

Тринадцатилетний юрист Вовсы, в будущем выдающийся советский актер Соломон Михоэлс, выучил театральное искусство в 1919 году. В ту пору он окончил петроградский университет и был погружен в изучение философии права. Конечно, он мечтал о театре и раньше, в годы отрочества своего и ранней юности, но любовь к ремеслу актера была тайной. Молодой юрист воспитывался в консервативной семье, где актеров называли комедиантами и даже «комедиантчиками» и где к искусству театра относились с неодобрением. Слишком юным был еще еврейский театр, он насчитывал всего полсотни лет, и с трудом привлекал к нему народ, никогда не именший театра и под влиянием религии наивно отвергий его как институт, противоречащий вероучению.

Но как только молодежь начала выходить из плена религии, еврейский народ впервые создал свою литературу на народном разговорном языке и свой театр. Недавно умерли основоположники еврейской литературы, ее три замечательных классика: Менделеев-Мойхер Сфорим, Шолом-Алейхем и Перец, еще жива была великолепная Эстер Каганович — актриса с трагическим темпераментом, которая могла бы украсить собой любую европейскую сцену. Вспомнивая о ней и шта родственник ей по духу актрис, думаешь одновременно и о Ермоловой и Комиссаржевской.

В 1919 году Михоэлсу удается осуществить свое желание, он расстается с римским колледжем и с философией права и уже через несколько месяцев застывает о себе говорить. Он играет в школьном спектакле Уриэля Акосты и в роли этой открывает зрителю свой талант. Он и раньше любил в театре трагиков, но трагиков, освобожденных от условностей внешнего трагизма, и недаром были всех актеров русского театра была ему Комиссаржевская.

С. ГЕХТ МИХОЭЛС

бы запечатлеть десятки великолепных масок, и каждая маска была бы человеческим образом. Для Михоэлса поверхность стала глубиной, в то время как у многих отличных старых трагиков поверхность так и оставалась, пусть великолепной, живописной, но все же поверхностью. Каждую его маску можно прочитать.

Вот стоит на сцене Вениамин Третий, он растопырил ноги, мучительно раздвинуты пальцы рук, а голова его, подаваясь вперед, мечтательно застыла на повороте. Эта маска — отличный внешний образ чудачка-неудачника, полагающего, что за пределами его местечка копчется постылый мир действительности; там течет бешеная река Самбация, на берегу которой расположилась фантастическое, забытое, вольное еврейское государство. И в растопыренных этих ногах, и в мучительно раздвинутых пальцах рук, и в повороте подающейся вперед головы можно прочесть множество мыслей, потому что Михоэлс — актер-мыслитель, и все внешнее на сцене он поставил на службу мысли.

История русского театра

Что же можно узнать из этой мимики? А то, что это смешной человек, в сущности, тот же Лир. Вениамин Третий у Михоэлса становится Лиром, а Лир в то же время — и Вениамин Третий, и оба они — люди без печали. Это непонятное определение станет читателю ясным из следующей фразы. Михоэлс — знаток и любитель старинных народных легенд и сказаний. Когда-то его поразило на всю жизнь одно старинное сказание, повествующее о том, что, родившись, ребенок выходит на свет неподготовленным к восприятию мира и, увидев его, приходит в ужас. Он бы не смог прожить на этой земле, но велел за ним идти его ангел, и ангел этот дает ему шельчок в нос, отчего и образуется на верхней губе ямка. Получив шельчок, ребенок видит мир по-иному, в примитивном свете.

Персонажи Михоэлса — это большей частью люди без печали. Они не знают, что же им делать на этом свете, с которым не-

III

И в старину многообразны были типы еврейского народа, но случалось так, что один тип, тип «человека воздуха» занял непомерно большое место и в литературе, и в театре, и в живописи. Улучение людьми искусства этим типом искажало, к несчастью, представление читателей и зрителей о еврейском народе. Условия еврейского быта в царской России создали этот давно ушедший тип человека без профессии, комически вертлявого, несчастного, жалкого и внешне неприглядного. Почему-то оставались в стороне другие типы. И в старину были еврей-работчие — кожевники, табачники, кондитеры, жестянщики, бондари, были деревенские кузнецы, земледельцы (на Буге и Ингульце), балугаты, солдаты — герон Плевны, были они людьми здоровыми, красивыми, гордыми, умелыми, и они-то и составляли еврейский народ, среди которого были и люди воздуха, вербовавшиеся аэлозастачной жизнью из одной только — незначительной — части населения.

Когда великие еврейские писатели обратили свое внимание именно на этот тип, это было закономерно, потому что и Менделеев-Мойхер Сфорим и Шолом-Алейхем хотели, чтобы этих людей не было. Они протестовали своим словом, бичевали, искали выхода. Но они не любознательны этим типом, не атеисты зрители его, не считали его традиционным, как это делали многие литераторы и театры, в том числе Еврейский камерный театр. Народ рабочих, ремесленников, солдат и земледельцев ролей героев гражданской войны и труда, замечательных ученых и революционеров, а многие поперемому продолжали видеть ту же ушербую и лязно отомешную в прошлое фигуру Менахем-Менделя. Было трудно наблюдать, как Еврейский камерный театр работает в том же опшечном и старомодном духе. Шагаловские фигуры застыли все равно. Классического Менахем-Менделя, человека возду-

возможно им помириться. И в этом их трагедия, и в этом их безвыходность. Михоэлс, мечтающий о новой для себя роли и покуда ее не имеющий, хотя некоторые очертания ее ему уже видны, играет и играет до сих пор на сцене таких людей, очутившихся в трагически безвыходном положении.

IV

Михоэлс оказался современником событий, не предвиденных старинным еврейским сказанием. Слова сказания о людях с шельчком заставляли вспомнить трагедии лучших людей старого мира, ибо герои этих трагедий также не могли примириться с действительностью, неразумной, жестокой. Но пришли люди без шельчка, которые нашли в себе силы изменить эту неразумную действительность и сделать ее разумной. Много народов населяет нашу страну, и каждый народ знает в своей среде таких вот людей, изо дня в день изменяющих действительность. Знает таких людей и еврейский народ, и таких людей хочет играть Михоэлс. Но он — художник и хочет изображать не понятия, а людей. А драматурги, с несчастием, предлагают театру общие понятия, благие намерения.

И покуда Михоэлс, мечтающий, чтобы его театр был выразителем лучших стремлений еврейского народа и воплощал бы на сцене образы его героев, его выдающихся людей, утаешет себя тем, что театр находит силы для воплощения героического прошлого. Бар-Хохба для него не только Бар-Хохба, он видит в нем и современника, как и в современнике Смущкевиче видит он черты героя Бар-Хохбы. И современник этот богатее духом и величественней Бар-Хохбы, потому что он совершает подвиги не только для своего народа, но и для блага всех народов мира и тем самым и для блага своего народа.

прошлом, театр обращается к «Суламфиям» и к «Бар-Хохбе», а Михоэлс-актер репетирует Телью-Молодича, крепкого и умного деревенского еврея, которого не смогли сразить многие несчастия и который в схватке с жизнью вышел победителем.

Вместе с Михоэлсом мы мечтаем увидеть на сцене еврейского театра такие типы, увидеть в такой роли Михоэлса, но говоря об этом, Михоэлс смотрит на нас грустными глазами: нет в портрете театра такой песни; многие поплы войной на образ Менахем-Менделя, но победителей пока не видно. И, глядя на Михоэлса, мы также с грустью вспоминаем слух о том, что Бабель обещал написать роль для Михоэлса, но этот слух (верный слух, я сам слышал эти слова от Бабеля) еще не стал жизнью. А ведь именно Бабель может написать и именно Михоэлс может сыграть и поставить, и то, что они сделали бы, было бы по-настоящему историко-литературным событием. — но время идет, и Михоэлс терпеливо ждет.

И. пока идет время, Михоэлс-режиссер ищет и находит образы сильных людей в

1749 г.

Книга Радищева

31 августа 1749 г. родился А. Н. Радищев. Рассказ о злоключениях, связанных с его знаменитой книгой «Путешествие из Петербурга в Москву»...

Начатая в 1790 г., книга Радищева тотчас же по выходе была конфискована и уничтожена. Автор ее был арестован и сослан в Сибирь. Императрица Екатерина II издала указ о том, чтобы эта «зловредная» книга «нигде в продаже и напечатании здесь не была»...

С конца XVIII в. книга Радищева возбудила огромный интерес. Петербургские купцы платили по 25 рублей за предоставление им запретной книги на один час для чтения. Иметь ее в своей библиотеке было завешной мечтой каждого bibliофила.

Цензура запрещала не только переиздание «Путешествия», но даже статьи о нем. Когда в 1836 г. Пушкин хотел напечатать статью о «Путешествии», министр народного просвещения Уваров заявил, что находится «совершенно излиянием возобновить память о писателе и книге, совершенно забытых и достойных забвения».

Сын Радищева в 1860 и 1865 гг. тщетно добивался разрешения издать сочинения отца. Только в 1868 г. Александр II снял запрещение, наложенное на книгу Радищева в 1790 г. Екатерина II и тем не менее, когда в 1872 г. известный библиограф П. А. Ефремов издал двухтомное собрание сочинений Радищева, переиздавая «Путешествие» не полностью, а в утробу цензуры, с некоторыми сокращениями, издание было конфисковано и уничтожено. Одним из юрков петербургских бунтовщиков удалось спасти от сожжения несколько экземпляров, которые он продал самому Ефремову. Таким образом и это издание Радищева — библиографическая редкость.

В 1883 г. Суворин переиздал 1-е издание «из строки в строку, из буквы в букву, приблизительно таким же шрифтом».

Это дорогое библиографическое издание, напечатанное в количестве ста экземпляров, недоступное для широкого читателя, препятствий с стороны цензуры не встретило.

В 1899 г. цензура разрешила другую переиздачу «Путешествия», но также в ограниченном количестве экземпляров. Когда же в 1902 г. П. А. Картавов напечатал «Путешествие» в количестве 2900 экз., это издание было запрещено и уничтожено. Только после революции 1905 г. появилось первое научное и полное издание «Путешествия» под ред. Н. П. Павлова-Сильванского и П. В. Шеголева. За этого изданием последовал ряд других.

Последнее советское издание «Путешествия», вышедшее в 1935 г. (изд. «Академия»), состоит из двух томов; в первом — точное воспроизведение фотолитографским способом 1-го издания 1790 г., во втором — статьи и обстоятельные комментарии.

1875 г. Русский Беранже

27 августа 1875 г. умер поэт-сатирик В. С. Курочкин, известный главным образом, как замечательный переводчик Беранже. Первое издание песен Беранже в переводе Курочкина появилось 80 лет назад, в 1858 г. Появление его было одним из крупнейших литературных событий того времени. Переводы Курочкина, пишет в своих воспоминаниях П. Пашинин, «рабом обратили на него внимание всего общества: они были до такой степени рельефны и являлись таким естественным говором, что сейчас же клялись на ноты и распродавались в бесчисленном количестве экземпляров».

Переводы из Беранже начали появляться у нас еще в начале XIX в. Белинский называл его «народным поэтом Франции», по большому счету считал его «не более как фривольным певцом гримасок и вина и отчасти политическим памфлетистом»... Н. А. Добролюбов писал, что «заслуга первого и до сих пор лучшего ознакомления русской публики с Беранже принадлежала, бесспорно, Курочкину». Он первый дал почувствовать русскому читателю революционно-демократическую сущность поэзии Беранже. Курочкин не ставил себе целью точное воспроизведение оригинала, но он органически воспринял и передал боевой демократизм французского поэта, приспособив его к условиям российского быта.

Один из чиновников министерства внутренних дел, почувствовав революционность русского Беранже, писал: «Курочкин посвятил себя преимущественно не переводам, а переделке на русский лад песен Беранже. Сохраняя дух подлинника, он очень легко умеет применять разные кушеты Беранже к нашим современным обстоятельствам, так что, в сущности, Беранже является только сильным орудием и под прикрытием его имени Курочкин преследует свои цели».

ПО ГАЗЕТНЫМ СТОЛЦАМ

При правлении союза советских писателей Казахстана создана секция оборонной литературы. В орбиту секции вошли писатели и поэты — Сыздыков, Дм. Снегирь и А. Имамбетов. Последний начал работу над повестью «Фергана» — о борьбе красноармейцев с басмачами. (Социалистическая Аппа-Ата).

Правление союза советских писателей Казахстана постановило выпустить к концу года сборник произведений Пушкина и Горького на казахском языке. Составление сборников поручено т. Кектеуеву и Индженеву. Одновременно готовится к выпуску на казахском языке сборник песен и стихов о Ленине и Сталине. Составление его поручено Леджинову и Букмаеву (Ленинский путь).

Администрация поэт Павел Кубов, руководитель национального ансамбля песни, выпускает сборник, в который вошло 50 новых песен о счастливой жизни колхозников Алдына, о Красной Армии. (Большешевки).

Работники Дагестанского научно-исследовательского института истории языка и литературы тт. Ашмалов, Салаватов и Хапова составили сборники татарского, думского и лакского фольклора. В этих сборниках будут помещены народные сказки, частушки, поговорки и песни. (Дагестанская правда).

Литературная газета

6 № 48

Рис. Н. Лоса.

УПРАВЛЕНИЕ ПО ОХРАНЕ АВТОРСКИХ ПРАВ

СТОЛ ЗАЯВОК

— Но ведь на это двуступие у меня уже зарегистрированы четыре автора текста, два автора монтажа и один автор сценария... — Ну и что же? А я автор паузы в тексте этого двуступия...

НОВЫЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПУШКИНСКОГО МУЗЕЯ

Решением правительства Всесоюзная Пушкинская выставка была реорганизована по подгоне назад в Государственный музей А. С. Пушкина.

Среди вновь полученных автографов большой интерес представляют переделки Библиотекой им. Ленина 14 рабочих тетрадей поэта и большое количество черновиков и писем — к жене, к брату и др. Государственный литературный музей передал известную «Тетрадь Всеволодского» и Болдинский архив — обращение, жалобы и письма крестьян к Пушкину, письма поэта к управляющему имением, разные дела, относящиеся к имени, и т. п. Из Государственного музея украинского искусства (Киев) получен альбом Собакинского с автографом Пушкина: «Что в имени тебе моем?»

Архивные дела и документы политического, цензурного и библиографического характера получены из Центрального архивного управления и его филиалов.

Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде прислала музею несколько записных книжек с черновиками различных произведений и автографами почти всех глав «Евгения Онегина» и «Истории Пугачевского бунта».

Библиотека прислала также тирсть Пушкина с заметным набалдашником и золотым кольцом. После смерти А. С. она была подарена доктору Н. Т. Савоскому. В 1879 году тирсть поступила в библиотеку в дар от бывшего библиотекаря К. А. Беккера.

В одном из залов музея выставлена скульптура П. П. Забелло «Татьяна» (мармол), полученная третьим дня из Русского музея в Ленинграде.

Приобретены также эскизы декораций и костюмов к постановке «Руслана и Людмила» работы Горюхинова и Роллера.

Благодаря тому, что Пушкинский музей получает в свое владение помещение Библиотеки Исторического музея, он будет иметь возможность широко развернуть собрание материалов, комплектование музея и серьезно поставить научно-исследовательскую работу. Музей приступил к составлению генерального плана экспозиции материалов. План этот рассчитан на помещение, занимаемое сейчас Библиотекой имени В. И. Ленина, которое должно быть ему передано. В новой экспозиции материалов будет широко представлен отдел «Пушкин и декабристы», выделен отдел, посвященный теме патриотизма, выразительней будет построен отдел «Пушкин и народное творчество».

В МИРЕ КНИГ

Биографии поэта

Не только произведения А. С. Пушкина, его вольнолюбивые стихи, его острые и ярые политические эпиграммы, ходившие в свое время по рукам в бесконечных, часто искажающих смысл списках, но и сама его жизнь, яркие факты его биографии представлялись запретными царской цензурой. Особенно вредным считалось ознакомление с личностью Пушкина подрастающего поколения. Вот два ярких примера, свидетельствующие об этом.

В 1856 году вышла в свет небольшая книжка «Пушкин, его жизнь и сочинения», снабженная на титульном листе аннотацией «Чтение для юношества». В кратком предисловии издателя указывается, что составитель «отдавал предпочтение фактам, редкие представляющим трудоблагодную, благородную и могучую личность Пушкина». Современный читатель будет поражен трактовкой личности поэта и странным изложением биографического материала. Так, например, обстоятельство трагической гибели поэта описывается такими словами: «Душевные беспокойства тяготили Пушкина до такой степени, что он искал смерти и по одному недоразумению, которое можно было устранить, если бы Пушкин дорожил собой, вышел на дуэль с французским подданным Дантесом».

Автором этой брошюры является Н. Г. Чернышевский, который не мог указать своего имени, бывшего запретным, и вынужден был выпустить свой труд анонимно.

Особенности содержания и изложения, а также тенденциозный подбор приложенных в конце стихотворений и отрывков надо объяснить стремлением протиснуть через придирчивую цензуру запретную биографию в популярном изложении. Характерно, что эта «шершавая» биография впоследствии (до 1895 года) переиздавалась еще три раза, но неизменно без имени автора. В одиннадцатом собрании сочинений Н. Г. Чернышевского (1906—1908 гг.) биография Пушкина переиздана полностью, но не снабжена никакими примечаниями и аннотациями.

Другой характерный случай «цензурности» биографии Пушкина подтверждает дело цензурного ведомства, хранящееся ныне в Ленинградском институте литературы Академии наук СССР, о романе Евг. Луцкого (псевдоним писательницы С. Келлер) под заглавием «А. С. Пушкин», роман для детей. Роман этот так и не увидел света по весьма характерной мотивировке цензуры: «Нельзя вводить в роман дела официальные и неприлично в произведении, предназначенном для детей, говорить о дуэлях. Если же устранить главу о дуэли, то нельзя допустить главу оставить, в которой цыганка предостерегает Пушкина насчет той же дуэли, скрывает же главу о смерти Пушкина, странно оставить следующую главу — о его похоронах».

И. Б.

«Песни нанайца»

Гослитиздат выпустил сборник Самары Акима «Песни нанайца» на русском и нанайском языках. Народы СССР до сих пор не имели возможности познакомиться с советской художественной литературой нанайцев.

Октябрьская социалистическая революция спасла нанайцев от вымирания, советская власть дала этому народу право на жизнь, право на образование, право на культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию.

Возрожденные советские нанайцы первые свои песни посвящают Октябрю и его вождям — Ленину и Сталину.

В сборнике помещено 15 стихотворений. В них нанайцы Самары Акима воспевают Ленина, Сталина, город Комсомольск, напавшие на них. Есть несколько лирических стихотворений и два — переводы из А. Пушкина и А. Фета.

Все эти стихи читаются с большим интересом. К стихам дан подстрочный праический перевод, стоящий очень близко к подлиннику. Сборник окажет русским работникам на Севере большую помощь в овладении нанайским языком.

«Героический народ Китая»

Элгар Сноу первый из иностранных журналистов приехал в 1936 г. в советские районы Китая, занятые героической армией, доблестно совершившей великий переход свыше 12 тысяч километров. Этот путь был сделан в непрерывных боях.

Элгар Сноу — корреспондент газеты «Дейли Геральд». Его отчеты печатались в многих европейских газетах. По возвращении на родину Сноу написал книгу о Китае.

Издательство «Молодая гвардия» выпустило эту книгу под названием «Героический народ Китая» (сокращенный перевод Л. Мирцовой, в обработке З. Шейниса). Особый интерес представляет глава, в которой Э. Сноу пишет о китайских пионерах — верных помощниках своих старших братьев — китайской компартии. Сноу дает биографию вождя китайской красной армии.

Предисловие к книге написал А. Лин, редактор — В. Смирнова; книга вышла тиражом 25.000 экземпляров; цена ее 1 р. 10 коп.

Летопись жизни и творчества А. М. Горького

Институт мировой литературы им. А. М. Горького приступил к разработке «Летописи жизни и творчества А. М. Горького». «Летопись» составляется сначала в виде картотеки, которая будет в последующем подготовлена к печати объемом примерно из 40 печатных листов (2 тома). Картотека «Летописи» включает все основные факты жизни и общественной деятельности А. М. Горького, данные его художественной и публицистической работы, данные, относящиеся к его общественному и литературно-творческому окружению. Факты общественной и творческой деятельности А. М. Горького будут даны в связи с основными событиями, относящимися к истории нашей страны.

Первый том «Летописи» предполагается сдать в печать в конце первого полугодия 1939 г.

В Государственном издательстве художественной литературы выходит книга Густава Реггера «Блудный сын» с иллюстрациями художника Бродяги

ВИКТОР ГОЛЬЦЕВ

СУДЬБА ДАВИДА ГУРАМИШВИЛИ

От специального корреспондента «Литературной газеты»

Ворюлся домой из плена, только просо сеять мог. Урожай был мой обильен, но не след я урожая. Приказали — брось жатву, не по воле уезжай.

Не хотел с тобой встречаться, жизнь бездомная, чужая! Знаю в жизни горечь злому.

Сладость лишь воображаю. (Пер. П. Антокольского).

Вернувшись из прусского плена не на родину, а на Украину, где ему отвели небольшую усадьбу, поэт-воин нашел свой дом сожженным дотла. Снова он очутился на голой земле.

Нужно было обладать большим мужеством и огромной жизненной силой, чтобы пережить все это. Несчастья и неудач преследовали Давида Гурямишвили до самой могилы. Он был уязвимою олинкой. Он писал сильные, глубокие по мысли и превосходные по форме стихи, но почти никто не читал их. Он стремился возродить патриотизм и героический дух Густавеля, снова приблизить поэтическую речь к народной, сделать ее простой и реалистической, правдивой, но грузинский народ не мог знать тогда о существовании поэта. Трагические судьбы родине, всю накопившую горечь собственной жизни, всю свою соробную мудрость Д. Гурямишвили превозможно выразил в суровых и мрачных, но мужественных и скромных стихах.

Грузинский народ не забыл Давида Гурямишвили. Его замечательные стихи околдованы путями вернулись на родину, вошли в народный обиход, стали достоянием всех, кто не может не любить великую культуру Грузии. В цветущей социалистической Украине, где закончил в одиночестве свою удивительную жизнь Давид Гурямишвили, ему будет воздвигнут памятник.

Расскажу о нашей службе, чтобы кончилась беседа. Мы в семестр тридцать девятым принесли в Хотин победу. В сорок первом подпал в Фридрихсгофене мы шледа. В пятьдесят седьмом пруссакам причинили злые беды. В пятьдесят девятом все же нас пруссаки в беге вовлек. Разлучил меня с друзьями. Я остался олинкой, В плен попался в Магдебурге, был посажен под замок.

Курец, вховающихся от страха, начали клануть вороны. (Пер. В. Державина).

Личная судьба поэта оказалась удивительной и непомерно тяжелой. Суровые испытания начались еще с юных лет. В стихах Гурямишвили содержится замечательный рассказ о том, как однажды утром в Каюкском ущелье на него напали дегильны и увлекли в горы, как его мучили, как он бежал из плена на север, как удалось ему присоединиться в России к свите лишившегося престола царя Грузии Вахтанга VI. Однако Вахтанг скоро умер, и возмужавшему поэту пришлось поступить на русскую военную службу.

Крепло поэтическое дарование Давида Гурямишвили. Но даже горестная жизнь Франсуа Вийона или Сервантеса была не такой безотрадной и беспритной, как жизнь замечательного грузинского поэта. Взяли от Грузии Гурямишвили сражался как наемник, во имя чужих интересов на чужой земле. Вот что писал он, изображая жизнь соотечественников:

Расскажу о нашей службе, чтобы кончилась беседа. Мы в семестр тридцать девятым принесли в Хотин победу. В сорок первом подпал в Фридрихсгофене мы шледа. В пятьдесят седьмом пруссакам причинили злые беды. В пятьдесят девятом все же нас пруссаки в беге вовлек. Разлучил меня с друзьями. Я остался олинкой, В плен попался в Магдебурге, был посажен под замок.

Расскажу о нашей службе, чтобы кончилась беседа. Мы в семестр тридцать девятым принесли в Хотин победу. В сорок первом подпал в Фридрихсгофене мы шледа. В пятьдесят седьмом пруссакам причинили злые беды. В пятьдесят девятом все же нас пруссаки в беге вовлек. Разлучил меня с друзьями. Я остался олинкой, В плен попался в Магдебурге, был посажен под замок.

Расскажу о нашей службе, чтобы кончилась беседа. Мы в семестр тридцать девятым принесли в Хотин победу. В сорок первом подпал в Фридрихсгофене мы шледа. В пятьдесят седьмом пруссакам причинили злые беды. В пятьдесят девятом все же нас пруссаки в беге вовлек. Разлучил меня с друзьями. Я остался олинкой, В плен попался в Магдебурге, был посажен под замок.

ИЗ ЗАЛА СУДА

Не берет советской копейки в наших издательствах. Мы не говорим об издательской бедности, которая перерастает в расточительность. Мы имеем в виду лишь безответственность, с которой редакционные секторы зачастую относятся к рукописи писателя, к пунктам заключенного договора. Эта безответственность обходится государству в десятки тысяч рублей.

Всёма показательно в этом отношении четыре судебных заседания, посвященные разбору иска, предъявленного поэтом Д. Петровским к Гослитиздату.

Еще в 1936 году поэт принес в издательство драму в стихах «Данило Донбасс». На издание ее заключили договор и выплатили автору 60 проц. гонорара. Прошло два года. Рукопись лежала в редакционном шкафу, и никто не поинтересовался ее судьбой. И лишь за месяц до двухлетнего юбилея Гослитиздат вспомнил о драме и написал автору, что рукопись возвращается ему ввиду ее «низкого идеологического и художественного уровня». Предложим, что Гослитиздат прав в оценке рукописи, но об этом следовало подумать раньше.

Еще более безответственно отнеслась редакция к рукописи сборника стихов этого же автора на классические темы под названием «Рансваль». Договором обусловлен объем сборника в 8 тысяч стихотворных строк. Но автор сдал рукопись в 10 тысяч строк. Редакция, не возражая и, очевидно, не читая, приняла рукопись и сдала ее в набор. Автор уже подписал верстку, но вместо готовой книги получил... сообщение, что набор рассыпан. Почему? Причиной этому, — объясняет сейчас Гослитиздат, — сомнения редакции в желательности включения в «Рансваль» очень плохих стихов «Лермонтовского цикла», получивших недобрый отзыв критики.

Снова возникает вопрос. Если редакцию смущал только «Лермонтовский цикл» стихов, т. е. часть книги, зачем надо было распечатать весь набор сборника? Если смущение вызывал весь материал, зачем надо было через три-четыре месяца вновь готовить к печати этот же сборник, правда, уже сокращенный до 8 тысяч строк?

Вновь сборник набрали, сверстали и... заматрировали. И только через полгода Гослитиздат сообщил автору, что он отказывается от издания сборника «Рансваль», но согласен выпустить другой сборник стихов Петровского — «Тема поэта», куда могут быть лишь частично, но более тысячи строк, включены стихи из сборника «Рансваль».

Однако и этот сборник не был выпущен издательством. Дм. Петровский потребовал уплаты следующих сумм: по рукописи «Данило Донбасс» — 40 проц. гонорара в размере 5.500 руб.; за рукопись «Рансваль» недоплаченные 19.487 р. и, наконец, за рукопись «Тема поэта» — 5.250 р. Всего — 30.237 рублей.

Четыре раза суд разбирал это дело. Наконец кассационная коллегия Мосгорсуда постановила уплатить автору за рукопись «Данило Донбасс» — 5.500 руб., за рукопись «Рансваль» — 18.446 р. 50 к., в иске же на 5.250 р. за рукописи «Тема поэта» Д. Петровскому отказано.

Приходится лишь пожалеть, что эти деньги издательство уплачивает из государственной кассы. Свыше тридцати тысяч рублей выплачено за счет государства из-за безответственности работников редакции Гослитиздата. Издательство обязано брать в работу только рукописи. Вправе оно было это делать и по отношению к поэтам, по его же мнению, стихам Петровского. Но почему следовало принимать все эти стихи к печати? Почему распечатывались государством, а не конкретные виновники зла?

Н. НАУМОВ

ИЗВЕЩЕНИЕ

Комитет ВЛКСМ ССР и комиссия по проведению МЮД организуют вечер, посвященный празднованию 24-го Международного юношеского дня.

Программа вечера:

- 1. Доклад о МЮД — докладчик тов. А. Сурков.
2. Выступления писателей: Д. Алтауэев, А. Бельмиский, А. Жаров, Е. Зозуля, А. Коган, М. Матушевский, Н. Сидоренко, К. Симонен, Л. Соболев, А. Сурков, И. Френкель. Художественное чтение стихов В. Маяковского — Л. Фейгельман.
3. Кино.
Вечер состоится в кинозале ССР (ул. Воронковского, 52) 4 сентября в 7 часов вечера. Вход свободный. КОМИТЕТ ВЛКСМ

ЦЕНЗУРА И Чернышевский

По новым документам

Известно, что царские чиновники всецело преследовали Николая Гавриловича Чернышевского. Произведения его были конфискованы, упоминание его имени в печати было запрещено. Царская цензура и третье отделение внимательно следили за Чернышевским. Сейчас в Московском областном архиве обнаружена интересная переписка 1884 года о запрещении издания собрания сочинений Чернышевского. Один из найденных документов гласит:

«В департаменте полиции получены сведения о том, что находящийся на жительстве в г. Астрахань государственный преступник Николай Гаврилович Чернышевский 29 минувшего марта намеревался отправить в редакцию «Вестника Европы» для передачи А. Н. Пипину письмо с просьбой поместить в наиболее распространяющихся газетах следующее извещение:

«Мы слышали, что Н. Г. Чернышевский готовится к изданию собрания своих сочинений».

Вследствие сего, по поручению г-на министра внутренних дел, Главное управление по делам печати имеет честь покорнейше просить ваше сиятельство сделать зависящее распоряжение по инспекторскому надзору в Москве, чтобы в случае действительного приступа к печатанию сочинений Чернышевского в какой-либо из московских типографий об этом было доведено немедленно до сведения Главного управления, для доклада г-ну министру. (Отношение начальника Главного управления по делам печати к московскому генерал-губернатору князю В. А. Долгорукову за № 1820, 4 мая 1884 г.)

За этим письмом следует распоряжение генерал-губернатора владимирской типографии, которые обязуются при получении для печатания сочинений Чернышевского, прежде начала печатания дать знать инспектору. Одновременно жандармам поручается «иметь секретное наблюдение за печатанием в московских типографиях в печати сочинений Чернышевского».

Царское правительство так боялось печатания сочинения Чернышевского, что даже ранее разрешенные цензурой книги Чернышевского в 1884 году изымались из библиотек. Так, найденные в частных библиотеках экземпляры романа «Что делать?» подвергались немедленному уничтожению. Инспектор для надзора по Москве князь Кудашев доносит старшему инспектору по делам печати 30 июня 1884 г., что им «отобраны из библиотеки Зубатовой 3-я часть романа Чернышевского «Что делать?», из библиотеки Савеловой — роман «Что делать?», из библиотеки Доброверовой — сочинения Чернышевского и Писарева. Третье отделение «собственной его императорского величества канцелярия» приказало строго расследовать причины появления в каталогах бывшей библиотеки Тургенева романа «Что делать?».

Такая же судьба постигла и портреты Чернышевского. В деле инспектора по печати обнаружен любопытнейший документ — секретное донесение московского генерал-губернатора Долгорукова от 20 января 1878 г. к старшему инспектору по печати, в котором сообщается, что «для пропаганды дела о противуправительственной пропаганде обнаружена в настоящее время пролага фотографический портрет государственных преступников Чернышевского и Пугачева», и далее следует распоряжение «об изъяти означенных портретов».

И.ИИ.

НОВЫЕ КНИГИ

Ленгослитиздат выпускает в ближайшем дни книгу «Русские писатели XIX века» А. Пушкина. В книге помещены высказывания пятидесяти писателей от Державина до Горького. Редакция текстов и предисловие А. Долгинина. Тираж издания 10.000. Цена 6 р.

В том же издательстве выходит девятый том собрания сочинений Стендаля. В том помещена работа Стендаля «Рассуждения о критическом и публицистическом статьях». Вступительная статья «Стендаль-журналист», перевод и комментарии В. Г. Реднова. Тираж издания — 10.000. Цена 9 р.

Повесть Оноре де Бальзака «Гобсек» выходит в издании Ленгослитиздата. Перевод К. Лоса. Вступительная статья и примечания А. Гербстмана. Тираж — 100.000. Цена 30 к.

В издательстве «Искусство» вышла «Этюды по истории античного портрета» О. Ф. Вальдгауера. Работа посвящена истории греческого портрета в IV веке и в эпоху эллинизма, а также римскому портрету. Книга снабжена вступительной статьей А. А. Переломского о жизненном и творческом пути О. Ф. Вальдгауера. Книга выходит с многочисленными иллюстрациями, тиражом в 3000. Цена 18 р. 60 к.

В том же издательстве вышла книга «Искусство Грузинской ССР» Е. С. Меликадзе. В книге в основном дана характеристика произведений, представленных на «Выставке изобразительного искусства Грузинской ССР». Тираж книги — 10.000. Цена 2 р. 25 к.

Государственное издательство «История гражданской войны в СССР» выпустило второе издание первого тома «История гражданской войны в СССР». Первый том издается под заглавием «Подготовка великой proletарской революции» (от начала войны до начала Октября 1917 года). Том явлен с многочисленными иллюстрациями, тиражом в 200 тысяч экземпляров. Цена 20 р.

Государственное издательство кинематографической литературы выпустило книжку «Конюсер на киноэкране» на белорусском языке. Цена 1 р. 50 к.

В Гослитиздате Украины вышла новая поэма Микола Ваганя «Батьки й сини». В поэме изображена жизнь семьи луганского рабочего Петра Цупова. События происходят во время исторического перехода донецких рабочих из Луганска в Царские.

В Гослитиздате в серии «Театральная библиотека» вышла новая пьеса Леонида Юхидя «Сам собі ворог».

В издательстве «Советский писатель» вышла «Слово о полку Игореве». Подлинный текст, прозаический перевод и художественные переводы и переделки русских поэтов XIX и XX веков, ст. 355, цена 1 руб. В книге помещены переводы В. А. Жуковского, М. Л. Ла-Рю, Д. Минина, Л. Мей, Н. Гербеля, А. Н. Майкова, Н. Павлова (Билибин), Г. Шторма, С. Шервинского, С. Васова-Верхожневца, М. Тарловского и Ив. Новикова. Прозаический перевод и комментарии проф. Н. К. Гудзия.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВНИН, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВА, КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ